

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

бака)³ [4]; *Гэ, суэ олчангосу* 'Вон ваша свинья (т. е. человек, или еще кто-либо похожий на свинью)'; эвенк. *Кэ, ир-кэ сунгеи муригисисуй?* 'Ну, где же ваша лошадь (т. е. тот, кто изображает лошадь)' [54].

Известная близость между последними двумя значениями и большая отвлеченность второго по сравнению с первым позволяют думать, что метафорическая функция суффикса косвенной принадлежности представляет собой естественное дальнейшее развитие функции выделительно-уточнительной. Однако окончательное решение этого вопроса затруднено тем, что употребление интересующей нас формы в последней из отмеченных функций зарегистрировано нами лишь в двух языках: нанайском и эвенкийском, да и в них оно практически в речи встречается очень редко.

Категория косвенной принадлежности выражается специальным суффиксом, который в рассматриваемых нами языках имеет форму: Эвенк. *-н(и)*, эвенк. *-н*, нег. *-н(и)*, нан. *-нго/-нгу*, ульч. *-нгу*, орок. *-ну*, ороч. *-ни*, удэг. *-ни(-но/-ну)*.

Нетрудно заметить, что по форме суффикса косвенной принадлежности рассматриваемые языки можно разделить на три группы. В языках первой группы (эвенкийском, эвенском, негидальском) интересующий нас формант имеет форму *-н(и)* или *-н*, а если признать, что соединительный гласный в состав суффикса не входит, то суффикс для первой группы языков имеет единую форму *-н*.

В эвенкийском языке соединительного гласного не бывает в тех случаях, когда после суффикса косвенной принадлежности следуют согласные, с которыми он может вступать в сочетания. Как показали исследования А. А. Горцевского¹ и А. Ф. Бойцовой², звук *-н* может сочетаться в позиции первого компонента с десятью согласными: *г, д, д', к, л, м, н, н', т, ч, н'*.

В эвенкийском языке суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-н*, если после него следует: возвратно-притяжательный суффикс ед. или мн. числа; форманты косвенных падежей — винительного, дательного, предложного, отложительного, местного; суффиксы формы сравнения, совместности, например: *Этыркэн сулаки-нми дюлави эксэрэн* 'Принес старик лису (свою) домой' [59]; *Илэл герои-н-мар аявукил* 'Народ любит героя (свое-

¹ А. А. Горцевский. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку. Л., 1939, стр. 67.

² А. Ф. Бойцова. Сочетаемость согласных в эвенкийском языке. «Языки и фольклор народов сибирского Севера». М.—Л., «Наука», 1966, стр. 153.

го)? [47]; *Хэрэжэ цинакин колобо-н-мов упкатпан* манаран 'Чужая собака съела мой хлеб' [64]; *Тэли си бумага-ва почта авса-н-дун дыкэл* 'Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик' [57]; *Эр-ты нунган мэнгилеви дуннэ-ндудуливи нгэнэлчэн* 'И вот он отправился путешествовать по родному краю' [55]; *Мэнцидукви дун-нэ-н-дукви туксами эчэ ая биси* 'Нехорошо от своей земли бежать' [59]; *Этыркэн атыркацунуми нимэвурэн* 'Старик с женой (своей) пошел в гости' [4]; *Хоктол эду хэгдыл, митцидын бира-н-дынты албичил* 'Дороги здесь большие, шириной с нашу реку' [51].

Нетрудно заметить, что суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-н*, если после него следует формант, состоящий из одного или двух слогов, которые по своему строению могут быть открытыми (согласный + гласный) и замкнутыми (согласный + гласный + согласный).

Если же после суффикса косвенной принадлежности следуют форманты, состоящие из одного согласного, то он присоединяется посредством соединительного гласного *-и-*. К числу таких формантов можно отнести: суффикс мн. числа *-л*, лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа, притяжательный суффикс 3-его лица ед. числа, суффикс твор. падежа. Подобным же образом присоединяется суффикс косвенной принадлежности, если после него следуют: лично-притяжательные суффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа, суффикс формы обладания, например: *Нунгартын-ка ангани-н-и-л-дуквар хэгдытмэ-салгэчир* 'И для своих лет даже довольно рослые' [48]; *Нуцан гау и-н-и-л-нунми йрэн гулэгэј* 'Он вместе со своими лебедями вошел в свой дом' [58]; *Тар минцй бэјэ-н-и-в* 'Это мой человек' [39]; *Эр-ты синги улукиткэн-н-и-с!* 'Вон твой бельчонок!' [49]; *Нунган тунгин ангани-н-и-н нгэнэзэчэн* 'Ему пятый год (его) шел' [47]; *Тари-н-и-т-ви эдяни?* 'Что ты станешь ею (своею) делать?' [43]; *Ири сулаки-н-и-т?* 'Где же наша лиса?' [59]; *Бу улэ-н-и-вун мунчэ* 'Наше мясо протухло' [4]; *Чука-н-и-сун оланигин!* 'Трава (ваша) пусть завянет!' [59]; *Туннга ангани-н-и-чи бингэсиеви, Володя тангдави эниндукви алагучан* 'Читать Володя выучился пяти лет у матери' [52].

В том случае, если показатель косвенной принадлежности имеет форму *-н*, наблюдается явление ассимиляции

согласных, входящих в состав формантов, которые следуют после суффикса косвенной принадлежности. Обычно эта ассимиляция носит прогрессивный характер и распространяется на форманты, начинающиеся со звуков: в, г, н. К числу этих формантов относятся: возвратно-притяжательные суффиксы ед. и мн. числа (*-ви* и *-вар/-вэр/-вор*); показатель вин. падежа (*-ва/-вэ/-во*); суффиксы формы совместности (*-нун* и *-гали/-гэли/-голи*). Ассимиляция при этом может быть частичной, затрагивающей только часть признаков звука *н*, например: *Би вэм гэр-бэй-н-ми (гэрбэй-н-ви)*³ 'Я побила работницу (свою)'; *Чанмйча, имурэ-н-мэ-н (имурэ-н-вэ-н) гадэви некэчэ* 'Выварила кости, собиралась получить жир' [63]; *Эчэвэ ая биси мата-н-мар (мата-н-вар) асундала омочотын* 'Неприятного соседа (своего) на время как бы забыли' [51]. Но в ряде говоров (сахалинский, учурский) наблюдается полная ассимиляция; *Бу улэ-н-нэр (улэ-н-вэр) тэвукэ машиналду, колхозулавэр цэнрэв* 'Погрузив (свое) мясо на машины, мы отправились в колхоз'; *Мэн энэуиргу накита-н-нун-и (накита-н-нун-ми) охотаран* 'С самым сильным (своим) медведем пошел на охоту'; *Нуцан мэн аүи-н-нали-ви (аүи-н-гали-ви) колхозла цэнэ-цэтытын* 'Он со своей женщиной поедет в колхоз' [4].

Возможны случаи взаимной ассимиляции, т. е. когда наблюдается изменение обоих соседних звуков под влиянием друг друга, например: *мөва гэмн хукулбде-ри-м-ми (хукулбдерн-н-ви) хусуунэн* 'Палку взяв, лежащего (своего) ткнул' [65].

При присоединении суффикса косвенной принадлежности к основам, оканчивающимся на согласный *н*, возможны следующие варианты: а) конечный согласный основы опускается: *Имурэ-н-и-тын (имурэн-н-и-тын) кэтэ бичэл* 'У них было много масла' [46]; б) конечный звук основы уподобляется согласному суффикса косвенной принадлежности: *Ахи этиркэн-н-ви (этыркэн-н-ви) кумлэрэн* 'Женщина обняла (своего) мужа'; *Этыркэн-н-и-н (этыркэн-н-и-н) тэдү сөма аят нуцанман дебүекэниттэн* 'Его старик очень хорошо его угостил' [63]; в) суффикс косвенной принадлежности присоединяется к неусеченной основе на согласный: *Эр-ты-синги улукиткэн-н-и-с!*

³ В скобках даны неассимилированные суффиксом косвенной принадлежности формы.

‘Вон твой бельчонок!’ [49]; *Этыркэн-и-и-н, эмэзэ, ахиви тэдэбдерэн* ‘Муж (ее), придя, предупредил жену’ [63].

Присоединение суффикса косвенной принадлежности к основам, оканчивающимся на остальные согласные, происходит при помощи соединительного гласного, например: *Чукалая амуд-и-и-т этыеду угэвдерэн* ‘Наше синее озеро в ветер волнуется’ [60]; *Тар эмэксэ, нуцап чай-й-и-ми умүллан* ‘Придя, он начал пить чай (свой)’ [63]; *Этэркэнги чукаг-и-и-г-ду-н авдурдувар сингэрэкэр кикэтчэрэ, дявматчэрэ* ‘На стариковском лугу (его) мыши в норах (своих) свистят, перекликаются’ [49].

Подобные фонетические закономерности характеризуют и эвенский язык, где при присоединении суффикса косвенной принадлежности к основе, оканчивающейся на согласный *и*, последний опускается: *Н’өл’тэ-и-кэн-ти* (*н’өл’тэн-и-кэн-ти*) *н’ин, г’эва-и-қан-ти* (*г’эван-и-қан-ти*) *г’эванр’и* ‘Солнышко (наше) взойшло, заря (наша) засветилась’ [69].

Суффикс косвенной принадлежности к основам, оканчивающимся на остальные согласные, присоединяется посредством соединительных гласных (*э, а*), которые обычно редуцируются и, по словам К. А. Новиковой, звучат и-образно (*э, а*)⁴. К основам «с конечными среднеязычными согласными *ч, ж, н’, й*» суффикс косвенной принадлежности присоединяется посредством соединительных гласных *и, й*, например: *Мин йес-э-и-г-у мугчин эсэнэн* ‘Мой пот как вода течет’; *Мин чурут-э-и-г-у ойдү дэсчин* ‘Мои бусы лежат сверху’ [68]; *Окат-э-и-э-сэн эч модэрэ*. ‘Ваша река еще не разлилась’; ... *н’ин’ик’ил’мут тэр-э-и-нэ-т тугэссэттэ* ‘...рябчики проводят зиму в наших местах’; *Зүлај эври-зи каб’эв-э-и-э-л-би һйтқандүк’й нуриэ* ‘Придя домой, я вынул куропаток (своих) из мешка (своего)’; *Ноңи бэј-и-и-э-н* ‘Его человек’ [69].

Соединительные гласные могут следовать и после суффикса косвенной принадлежности, но в том случае, если после него следуют форманты, состоящие из одного согласного звука. Без соединительных гласных получались бы недопустимые сочетания трех согласных в середине слова или двух согласных в конце слова: *һуиэ-и-э-т*

н’ам он’и ‘Буран (наш) стал теплее’; *н’ин нуң-и-э-с обдүйүн бисин* ‘Тот лук, который считался твоим, был слабый’; *Этури-и-э-л’-тын, бэј-и-и-э-л’-тын й’этын биситын* ‘Охраняющих (их) было трое’ [69].

При присоединении суффиксов, начинающихся на согласный звук, к основе с суффиксом косвенной принадлежности они подвергаются прогрессивной ассимиляции, но, естественно, лишь в том случае, если эти суффиксы присоединяются без посредства соединительных гласных: *Кунгаякан, качиякан амкачангавур* (*амкачан-и-э-ла-вур*) *эса* ‘Ребенок и щенок дошли до сопочки (своей)’ [68]; *Н’өмнин-тэ, һитк’ил’эј оқат’иңнај* (*оқат-э-и-ла-ј*) *күман эңэникл’иј* ‘Как только вышел, около юрты своей через реку (свою) вброд перешел по пояс’ [69]. Ассимилятивно-влиянию в приведенных примерах подвергся показатель местного падежа *-ла* в словах *амкачангавур* и *оқат’иңнај*.

О тех же фонетических закономерностях сообщают исследователи негидальского языка: «При присоединении притяжательных суффиксов с помощью суфф. *-и*, этот последний вставляется между основой и притяжательным аффиксом. При этом к основам на гласный он присоединяется непосредственно, например: *олохи-и-и* ‘Моя белка’ от *олохи* ‘белка’. К основам же на *-н* суфф. *-и* также присоединяется непосредственно, но конечный *н* основы при этом сливается с *-и* суффикса, например: *сата-и-и* ‘мой шаман’ от *saman* ‘шаман’⁵.

Далее К. К. Мыльникова и В. И. Цинциус сообщают о том, что к основам, оканчивающимся на другие согласные, *-и* присоединяется с помощью соединительного гласного, например: *дат-и-и-и* ‘моя марь’ от *дат* ‘марь’, *эс-и-и-и* ‘моя лиственница’ от *эс* ‘лиственница’. С помощью соединительного гласного *и* присоединяются к суффиксу косвенной принадлежности и форманты притяжательные: 1-го лица ед. числа (*-и*); 1-го лица мн. числа включительные (*-ти*); 2-го лица ед. и мн. числа (*-с* и *-сэн*); 3-го лица ед. и мн. числа (*-нин* и *-тин*) например: *олохи-и-и, олохи-и-и-т, олохи-и-и-с, олохи-и-и-сэн, олохи-и-и-нин, олохи-и-и-тин*.

⁴ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 78—79.

⁵ К. К. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. «Гунгусский сборник». I., Л., 1931, стр. 152—153.

Форманты, начинающиеся на согласный звук, присоединяясь к суффиксу косвенной принадлежности без соединительного гласного, подвергаются прогрессивной ассимиляции или выпадают.

К числу таких формантов могут быть отнесены: суффикс 1-го лица мн. числа включительный (-*wun*), возвратно-притяжательные суффиксы ед. и мн. числа (-*wi* и -*way*), показатель вин. падежа (-*wa/-wə/-wo*), например: *oloxi-ŋ(-n)un* 'наша белка', *oloxi-ŋ(-n)i* 'свою белку' (ед. ч. обладателя), *oloxi-ŋ(-n)ou* 'свою белку' (мн. ч. обладателя), *oloxi-ŋ-na-n* 'его белку' и т. п.

Иные фонетические закономерности возникают при оформлении суффиксом косвенной принадлежности существительных в нанайском, ульчском и ороческом языках.

В нанайском языке суффикс косвенной принадлежности подчиняется гармонии гласных, которая состоит, как известно, в том, что «в пределах одного слова употребляются гласные лишь одной из двух серий»⁶. В первую серию входят гласные *i, a, o*; во вторую — *u, ə, y*.

Если в состав слова входят гласные первой серии, то это слово может быть оформлено суфф. -*ŋo*; если в состав слова входят гласные второй серии, оно оформляется суфф. -*ŋu*, например: *Buə mərgəŋguŋu niħoraŋkini* 'Наш герой поклонился'; *Piməkən mənə patalaŋgoŋiŋi n'oačida ŋu-ŋiəri gəsə ənuħəči* 'Пимэкэн со своей девушкой и они вдвоем вместе уехали' [2].

При оформлении суффиксом косвенной принадлежности слов, оканчивающихся на согласный *n*, последний, как отмечает В. А. Аврорин, подвергается полной ассимиляции и как бы вливается в состав согласного -*ŋ*-суфф. -*ŋo/-ŋu*, например: *Əlči, mədəsindu əŋəŋučiŋi* 'Слуга, пойдиспроси у своего хозяина'; *Ənəŋuŋi ŋəkəŋ* 'Свою лепешку съел'; *Gə, giŋi ŋaon' ŋəkaŋgos'i oħoxa* 'Ну, еще юноши твои остались' [2].

При оформлении рассматриваемым суффиксом слов, оканчивающихся на остальные согласные, суффикс присоединяется непосредственно к этим согласным: *Mənə dimanəgosalləŋodiŋi dəlxəčiŋuŋi dui ŋukini* 'Прощаясь со своими гостями, сказал' [36]; *Donəmorŋəochi, panəgəčira, unđini* 'Их Донмор (колдун), поворожив, сказал' [36].

⁶ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 41.

Форманты, следующие после суффикса косвенной принадлежности, независимо от их начального звука, ассимилятивному влиянию этого суффикса не подвергаются, поскольку им предшествует гласный этого суффикса.

Подобные же фонетические закономерности характеризуют употребление суффикса косвенной принадлежности в ульчском и ороческом языках.

Т. И. Петрова не отмечает изменения суффикса косвенной принадлежности по гармонии гласных в ульчском языке, сообщая лишь о том, что «суффикс -*ŋgi* с притяжательными окончаниями встречается обычно тогда, когда надо отметить то, что предмет добыт или каким-либо другим образом освоен данным лицом»⁷. Об изменении формы суффикса косвенной принадлежности по закону гармонии гласных сообщается в исследовании О. П. Суника. Он пишет, что притяжательные суффиксы «присоединяются к падежным формам имен непосредственно или посредством суффикса -*ŋəŋ* (-*ŋo*)/-*ŋu* — показателя отчуждаемой (или «относительной») принадлежности»⁸. Он приводит пример, где суффикс косвенной принадлежности имеет форму -*ŋəŋ* (-*ŋo*): *dili-ŋəŋ-ni* 'голова убитого зверя, рыбы, птицы, принадлежащая человеку'.

В подавляющем большинстве примеров, приводимых Т. И. Петровой, суффикс косвенной принадлежности имеет единую форму, что свидетельствует об утрате им способности изменения по гармонии гласных, например: *Ti ugdaŋŋini ti taji ŋənəluħəni... non jam*. 'Та его лодка так начала двигаться'; *Lay(i) ŋənətəri, icəhəti; dəsəŋŋəti balana bəcini*. 'Близко подойдя, увидели—их тигр давно мертв' [73].

Единая форма (-*ŋu*) рассматриваемого форманта отмечена в полевых записях В. А. Аврорина: ульч. *Мамачаŋгуни хоргои дб̄зиŋини г̄гума хова агбумбуини* 'Его старуха из шкафа медную рюмку достает'; *Титами жу əŋəŋ мапача кəкəŋгусəлти вəндини* 'Потом старик, хозяин дома, (своим) служанкам говорит'; *Мапача мб̄ŋун 'Дерево старика'; Мапаŋгуни пондокомбони н̄иŋуха, вагбаŋгини боŋавани писачуŋуха* '(Своего) старика обувь

⁷ Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936, стр. 35.

⁸ О. П. Суник. Ульчский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», стр. 154.

отряхнула, его рукавицы залатала'; *Титами гучи котити аракуңуу сирхэни* 'Потом еще в рюмку (своего) вина налил' [2].

Не подвержен влиянию закона гармонии гласных показатель косвенной принадлежности *-ну* и в орокском языке, например: *Эси би ситтэи бојоңуласи таммэви* 'Теперь я тебе за твоего медведя плачу'; *Ча хотонду ээ(н) гйдаџи паталуңулу битчини* 'В том городе царь, имеющий единственную дочь, жил'; *Нёчи дэтиңуци маниптүхани* 'Их продукты кончились' [71].

Однако иллюстративный материал, приведенный в исследовании Т. И. Петровой, обнаруживает, что форма косвенной принадлежности выражается в рассматриваемом языке и при помощи показателя *-но*, например: *Бу Тэрэкэнду Чипавунаңону солоһону* 'Мы с Тэрэкэ рекою Чипавуна (нашей) вверх плыли'; *Маңаңори айпис'са, дукутаккёри йчимэри исувкил битчичи* 'Когда богатыря (своего) убьют, к своему дому с победоносным криком возвращались' [71].

Отмечен суффикс косвенной принадлежности в форме *-но* и в наших материалах: *Геданңори нёчи детскай саттай буғочи* 'Одну (свою) они подарили детскому саду'; *Нуй суддатанонне си улосиси?* 'Чью рыбу ты варишь?' *Сэксэ ноци мэне туксаңғори дэптуличи* 'Вечером они съедят своих зайцев' [1]. Примеры свидетельствуют о том, что до настоящего времени в орокском языке, так же как, по-видимому, и в ульчском, суффикс косвенной принадлежности продолжает в отдельных случаях подвергаться влиянию гармонии гласных, постепенно вытесняясь единой формой *-ну*, что объясняется, по всей вероятности, тем, что в области гласных в орокском и в ульчском языках, по сравнению с нанайским отмечается более энергичная лабиализация: в ульчском и орокском имеем *-у*-там, где в нанайском *-о*- (закрытое).

В языках орокском и удэгейском суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-ңи*: *Имаһаду кэйтэһ эни бу тукчаңуу* 'В снегу лежали наши зайцы'; *Ни эй улэһ-эңивэни?* 'Чье это мясо?'; *Нуани сулаиңини капкади гёда чухариһани* 'Его лиса убежала вместе с капканом'; *Утирэтуадиуаңити бисэ сэуни алагдира* 'Их дочь была очень красивой' [1].

В редких случаях суффикс косвенной принадлежности в удэгейском языке выступает в форме *-ну*: *Бу ниһ аңуңуу*

'Наш волк'; *Бу неһэнуу* 'Наш соболь'; *Бу мафаңуу* 'Наш медведь'. Подобная форма суффикса косвенной принадлежности, видимо, обусловлена губным сингармонизмом гласных, т. е. ассимилятивным влиянием на предшествующий гласный последующего губного гласного. Подтверждением этому является пример, когда те же существительные могут быть оформлены и суффиксом косвенной принадлежности в форме *-ңи*: *Бу ниһаңуңуу* 'Наш волк'; *Бу неһэниу* 'Наш соболь'; *Бу мафаңуу* 'Наш медведь'. Следовательно, считать, что в удэгейском языке для выражения косвенной принадлежности существуют две фонетические разновидности рассматриваемого форманта, едва ли можно. Точнее было бы считать, что единый суффикс в особых комбинаторных условиях может употребляться в факультативном, даже для подобных случаев чисто фонетическом варианте *-ну*. О. П. Суник и Е. Р. Шнейдер сообщают также, что в удэгейском языке названный формант может иметь форму *-ну*⁹. Ни тот, ни другой исследователь, однако, примеров с употреблением суффа. *-ну* не приводят.

Необходимо отметить, что, несмотря на разнообразие вариантов суффикса косвенной принадлежности в рассматриваемых тунгусо-маньчжурских языках (*-ңи*, *-ңи*, *ңо*/*ңу*, *-ну*), это генетически один и тот же суффикс. Доказательством тому может послужить следующее.

1. Начальный согласный показателей косвенной принадлежности в рассматриваемых языках является одним и тем же. О том, что звуку *-ң* одного тунгусо-маньчжурского языка во всех других рассматриваемых языках, как правило, соответствует тот же *-ң*, отмечается и в исследовании В. И. Цинциус¹⁰.

2. Как уже отмечалось, в составе суффикса косвенной принадлежности северной группы тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийском, эвенском и негидальском) гласный отсутствует вообще или является соединительным, т. е. в состав суффикса косвенной принадлежности не входит,

⁹ О. П. Суник. Удэгейский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 216; Е. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь, с приложением грамматического очерка. М.— Л., 1936, стр. 101.

¹⁰ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Учпедгиз., Л., 1949, стр. 239—240.

в то время как в рассматриваемых языках южной группы (нанайском, ульчском, орокском, ороческом и удэгейском) наличие гласного (-и- или -у-) в составе суффикса косвенной принадлежности является обязательным. К этому в основном и сводится главное различие в фонетической структуре суффикса косвенной принадлежности языков северной и южной групп.

Рассматриваемая фонетическая закономерность — наличие гласного (о, у, и) в конце слов южной группы языков и его отсутствие в соответствующих словах северной группы языков — является довольно распространенной и охватывает значительное количество слов и некоторых формальных показателей. Как отмечает В. И. Цинциус, «редукция, а затем и отпадение (апокопа) или выпадение (синкопа) нормальных (недолгих) гласных в тунгусо-маньчжурских языках — характернейшая особенность северной подгруппы [этих языков]. Самым общим и самым ранним для этой подгруппы следует, как нам кажется, считать отпадение и выпадение нормальных узких гласных -и-, -у- первых слогов...: эвенк. *адил* 'сеть', эвен. *адал*, нег. *адел*, ороч. *адули*, уд. *адили*, орок. *адули*, нан. *адоли*; эвенк. *дил* 'голова', эвен. *дел*,... нег. *дел*, ороч. *дили*, уд. *дили*, орок. *дили*, нан. *зели*...; эвенк. *бэр* 'лук для стрельбы'; нег. *бэј*, ороч. *бэји*, уд. *бэи*, орок. *буриккэ*, ульч. *бури*, нан. *бури*»¹¹.

Фонетически закономерным является и соответствие -о-, -у- в суффиксах косвенной принадлежности нанайского, ульчского и орокского языков гласному -и- ороческого и удэгейского языков. Данное фонетическое соответствие прослеживается в целом ряде слов и суффиксов соответствующих языков:

нан., ульч. *хэдун*; орок. *хэдү* // уд. *эди*; ороч. *эдин* 'ветер'

нан. *чумчун*; ульч. *чумчун* // ороч. *чимдака*; уд. *чимча* 'палец'

нан., ульч. *тукпэн*; орок. *тукпэ* // уд. *тикпэ*; ороч. *типэ* 'гвоздь'

нан., ульч. *туңгэн*; орок. *туңэ* // уд., ороч. *туңэ* 'грудь'

нан., орок. *ту-*; ульч. *туку-* // уд. *тиңмэ*, ороч. *ти-* 'падать'

нан., ульч., орок. *тугдэ* // уд., ороч. *тигдэ* 'дождь'

нан. *мујки*; ульч. орок. *муи* // уд. *мики*; ороч. *мики* 'змея'

нан. -ко / -ку; ульч. -чу; орок. -лу ∞ -ллу // уд. -хи, ороч. -ки ∞ -кки — суффикс формы обладания;

нан. -со / -су; орок. -со // уд. -си / -си; ороч. -чи ∞ си — суффикс вида длительности;

нан. -го / -гу; ульч. -зү / -зү; -до / -ду // уд. -гэ / -гу; ороч. -ги — суффикс вида повторного действия;

нан. -ло / -лу; ульч. -ло / -лу; орок. -лу // уд. -ли / -ли; ороч. -ли — суффикс вида начала действия;

нан. *уј*; ульч. *үүј*; орок. *үүј* ∞ *үүи* // уд. *нй*, ороч. *н'й* — вопросительное местоимение 'кто?'

Таким образом, различия в огласовке суффикса косвенной принадлежности в языках тунгусо-маньчжурской группы являются закономерными, не выходящими за пределы фонетических закономерностей рассматриваемых языков.

3. Закономерным является соответствие сочетания звуков -ңэ- в суффиксе косвенной принадлежности нанайского и ульчского языков звуку -ң- того же суффикса в других тунгусо-маньчжурских языках. Это же соответствие прослеживается и в целом ряде других слов и формальных показателей интересующих нас языков:

нан., ульч. *соңго-* // эвенк., нег., ороч., уд. *соңо-*; эвен. *хоң-* 'плакать'; нан. *саңгар*; ульч. *саңгали* // эвенк. *саңар*; эвен. *һаңар*; нег. *саңа*; ороч., уд., орок. *саңа* 'отверстие, дыра, яма';

нан. *оңоло* // эвенк. *оңоло* 'дупло'; нан., ульч. *мэңун* // эвенк. *мэңун*; эвен. *мэңэн*; ороч. *мэңун*; уд. *мэңу*; орок. *мэңу* 'серебро';

нан., ульч. *н'уңун* // эвенк. *н'уңун*; эвен. *н'уңэн*; уд. *н'уңу* 'шесть';

нан. *т'иңа* // эвенк. *тун'ңа*; эвен. *тун'ңан*; нег. *тон'ңа*; ороч., уд. *туңа* 'пять';

нан. *аңажа* // эвенк. *аңажакән*; нег. *аңажахан*; эвен. *аңаткән*; уд. *аңажа*; орок. *аңада* 'сирота';

нан. *сиңэктэ* // эвенк. *иңэктэ*; нег. *инэктэ*; орок. *сиңэктэ* 'черемуха' нан., ульч. *миңан* // нег. *миңан* 'тысяча';

¹¹ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика, стр. 125, 129.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

нан., ульч. *моңгон* // эвенк., нег. *моңон*; уд. *моңоли*; орок. *моңо* 'шея'.

нан., ульч. *-ңи* // эвенк., эвен. *-ңи*; уд., орок. *-ңу* — показатель предикативно-притяжательной формы.

Следовательно, основное различие формантов косвенной принадлежности в рассматриваемых языках сводится к наличию (южная подгруппа) или отсутствию (северная подгруппа) гласных в их составе. Однако В. И. Цинциус пишет: «Как известно, соединительным гласным называется лишенный какой бы то ни было самостоятельной морфологической и семантической значимости гласный, который появляется в тех случаях, где при стыке одних морфем с другими говорящие, например, по эвенкийски или по эвенски, стремятся избежать стечения согласных, непривычного по сложившимся нормам сочетания звуков. Как это было показано выше, соединительный гласный должен рассматриваться... как сохранившийся в данной форме слова гласный основы или корня или суффикса»¹². Суффикс косвенной принадлежности северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, по ее мнению, генетически восходит к * *-ңи* (эвенкийский и негидальский языки) или * *-ңа/-ңэ* (эвенский язык).

Значительным числом примеров В. И. Цинциус устанавливает «факт соответствия узких негубных *-и*, *-е* северной подгруппы узким губным *-у*, *ү(о)* южной подгруппы»¹³. При этом автор сообщает, что в рассматриваемом соответствии языки орокский и удэгейский примыкают к северной подгруппе.

Таким образом, можно прийти к заключению о том, что различия в фонетической структуре показателей косвенной принадлежности языков тунгусо-маньчжурской группы обусловлены закономерными фонетическими соответствиями и генетически восходят к одному и тому же формальному показателю.

Среди специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам нет единого мнения относительно морфологической природы суффикса косвенной принадлежности. Так, О. П. Суник утверждает, что суффикс косвенной принадлежности следует рассматривать среди основообразующих суффиксов, «посредством которых образуются особые формы существительных, не меняющие, как правило, основных лексических значений соответствующих слов»¹. Та же мысль приводится О. П. Суником в другой работе: «Основы приведенных типов могут быть названы первыми основами слова. Им противопоставляются так называемые вторые основы, содержащие кроме морфем, составляющих первые основы (корневые и некоторые суффиксальные), еще и морфемы формальные — показатели именного формообразования. В своей совокупности они образуют одну общую основу слова, всегда обладающую, в отличие от корня слова, как известным вещественным, так и определенным формальным значениями»².

Здесь одно утверждение противоречит другому. Ведь если суффикс косвенной принадлежности является основообразующим, то он образует не формы существительных, а их основы, если же он является формообразующим, то образует формы существительных, но не их основы, и в таком случае его нельзя называть основообразующим.

Как нам кажется, отнесение суффикса косвенной принадлежности к числу основообразующих формантов не является обоснованным, поскольку этот суффикс указывает лишь на косвенный, условный характер принадлеж-

¹ О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958, стр. 62.

² О. П. Суник. Именные основы и окончания в языках тунгусо-маньчжурской группы. «Вопросы грамматики». М.— Л., 1960, стр. 153.

¹² В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика, стр. 131.

¹³ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика..., стр. 92.

ности предмета субъекту обладания, но не сообщает слову решительно никакого нового лексического значения и даже его оттенка, например: нан. *Нёанчи мосалнгочитэнг улэн мосал бичичи* 'Их шести — очень хорошие шести были' [35]; *Тотара Лэтэркэнгуи ичэгуйни — анана, Лэтэркэн гучкули очохани* 'Взглянул на своего Лэтэркэна — вот так-так, Лэтэркэн красивый стал' [2]; эвенк. *Шоцилма, илмактава ичэгэв, кэмбжэлжэжкун шоцилцитын!* 'Я видел молодого сонинга (богатыря). В красивом белом кафтане их сонинг (богатырь)' [63].

Сравнение слов, оформленных и неоформленных суфф. *-нго / -нгу*, не позволяет найти в их семантике даже малейших различий.

«В некоторых случаях наблюдается различие между смысловыми (лексическими) значениями имен в зависимости от вида (способа) их притяжательного оформления; ср. эвен. *мо-у* 'мой дрова', *мо-нгу* 'мое дерево', *хайта-у* 'моя травяная стелька', *хайта-нгу* 'моя трава', эвенк. *аси-в* 'моя жена', *аси-нги-в* 'моя женщина'»³. О том, что в ряде случаев суффикс косвенной принадлежности «меняет значение слов» сообщает и О. А. Константинова, подкрепляя это примером *бэйнэкэ* 'шкура', *бэйнэкэн-гилви* 'моя пушнина'⁴.

Различие в лексическом значении приведенных существительных, с нашей точки зрения, обусловлено не оформлением их суффиксом косвенной принадлежности, а многозначностью этих существительных. Так, в эвенском языке слово *мо* имеет значение 'дерево' и 'дрова', слово *хайта* 'стелька' и 'трава для стелек'⁵, а в эвенкийском языке слово *аси* имеет значение 'женщина' и 'жена', слово *бэйнэкэ* значит 'шкура' и 'пушнина'.

Чтобы выразить принадлежность субъекту обладания растений, как уже упоминалось, необходимо оформление существительных, обозначающих эти предметы, суффиксом косвенной принадлежности. Его мы и видим в выражениях 'мое дерево' и 'моя трава'. При выражении же

принадлежности субъекту обладания предметов домашнего обихода, одежды существительные получают прямое притяжательное оформление. Поэтому существительные в прямой притяжательной форме и имеют значения 'мой дрова' и 'моя стелька', а никак не 'мое дерево', 'моя трава'.

Этими же причинами обусловлено и различие в лексическом значении слов *аси-в* 'моя жена' и *аси-нги-в* 'моя женщина'. И в том, и в другом случае объектом обладания выступает один и тот же предмет 'женщина', но в первом случае обладание органическое (т. е. это — женщина, которая принадлежит только мне, иначе говоря, это — моя жена), во втором случае обладание условное (т. е. это женщина, о которой я говорил, или которая была предметом моей мысли, иначе — это не моя жена).

Кроме того, суффикс косвенной принадлежности нельзя отнести к числу словообразовательных или основообразующих также и потому, что «оформленное этим суффиксом существительное еще не представляет собой самостоятельного слова. Чтобы получить характер грамматической законченности, оно... должно сочетать в себе форму косвенной принадлежности с притяжательной формой обладания»⁶, положительной или отрицательной. Грамматическую завершенность существительное может получить и в том случае, если после суффикса косвенной принадлежности следует суффикс совместности *-молиа / -мулиэ*.

Известно, что в тунгусо-маньчжурских языках основа любого существительного материально совпадает с его формой им. падежа ед. числа, т. е. с самостоятельным, законченным словом.

Правда, можно найти ряд существительных, образованных при помощи словообразовательного суфф. *-нго / -нгу*, который ничего общего с суффиксом косвенной принадлежности не имеет и является лишь его грамматическим омонимом. К тому же, этот формант полностью омертвел и выделяется лишь путем этимологического анализа, например: нан. *димаңго* 'гость' (ср. *димаори* 'пойти в гости'); *нуктэнгу-нуктэмди* 'кочевник' (ср. *нуктэури* 'поселяться, кочевать'); *боатонго* 'охотник' (ср. *боатовори* 'идти охотиться за соболем'); *нямянго-нямянди*

³ См.: О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 444.

⁴ О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Л., 1953, стр. 80.

⁵ Русско-эвенкийский словарь. В. И. Цивциус и Л. Д. Ришес. М., 1952, стр. 142, 130, 591, 619.

⁶ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 156.

‘всадник’ (ср. *нлмняори* ‘ехать верхом’); *чочанго-чочакту* ‘беглец’ (ср. *чочаори* ‘убегать, спастись бегством’); *омонго* ‘стог’ (ср. *омовори* ‘собрать в кучу, сметать стог’). То, что этот формант никак не связан с суффиксом косвенной принадлежности, подтверждается и тем, что в эвенкийском языке он имеет вид *-нга / -нгэ / -ngo*, например *бэйнгэ* ‘зверь’ (ср. *бэй-ми* ‘охотиться’); *дённга* ‘вспоминание, мысль’ (ср. *дён-ми* ‘вспоминать, думать’); *дэронго* ‘вор’ (ср. *дэроко-ми* ‘украсть’); *дяванга* ‘тиски’ (ср. *дява-ми* ‘схватить’), в то время как суффикс косвенной принадлежности в этом языке имеет вид *-нг(и)*.

Словообразовательные суффиксы эвенкийского (*-нга / -нгэ / -ngo*) и нанайского (*-ngo / -ngu*) языков, по-видимому, следует поставить в связь с суфф. *-нга / -нгэ* Маньчжурского языка, где он оформляет «причастия, выступающие как отвлеченные предметные имена со значением ‘тот, который’ (‘те, которые’) и ‘то, что’ (‘те, что’)»⁷.

Некоторые исследователи (О. А. Константинова, Г. М. Василевич, Т. И. Петрова) рассматривают суффикс косвенной принадлежности среди притяжательных формантов, личных и возвратных, т. е. формантов релятивного формообразования, служащих для выражения зависимых грамматических значений и выражающих отношения между словами. Подобное решение вопроса также нельзя считать обоснованным, поскольку суффикс косвенной принадлежности передает независимое от других слов данного высказывания грамматическое значение, например: нан. *Эй-ми диллингои* ‘Это моя голова’ (т. е. голова, принадлежность которой мне носит условный, косвенный характер). С синтаксической точки зрения такое предложение идентично с предложением *Эй-ми дилии* ‘Это моя голова’ (часть моего тела). В обоих предложениях отношения между словами выражаются лично-притяжательным суфф. *-и*, суффикс же косвенной принадлежности передает независимое грамматическое значение — значение условной, косвенной принадлежности.

С точки зрения В. И. Цинциус, суффикс косвенной принадлежности эвенского языка должен быть отнесен к группе показателей особых логико-грамматических отношений. Автор справедливо отмечает, что эти показатели

не следует относить к числу форм словообразования, «служащих средством выражения отдельных понятий», не относятся эти показатели и к числу форм словоизменения, «служащих для выражения отношения между словами — понятиями в речи»⁸.

Однако концепция В. И. Цинциус, согласно которой «роль этих форм служит в предложении целям логических и грамматических сопоставлений одного слова с другими словами»⁹, не отражает грамматической специфики данных форм, поскольку и все прочие словоизменительные показатели служат тем же целям. Кроме того, суффикс косвенной принадлежности выражает, как уже неоднократно говорилось, независимое грамматическое значение и потому не может служить в предложении целям «грамматических сопоставлений одного слова с другими словами».

Вернее определяет сущность грамматической формы косвенной принадлежности в эвенском языке К. А. Новикова, относя данный суффикс к числу суффиксов, «которые служат для выражения грамматических значений, не связанных с синтаксической функцией слова»¹⁰. Она считает, что эти форманты занимают промежуточное место между основообразующими и словоизменяющими, не указывая, однако, к числу каких формантов, основообразующих или словоизменяющих, относится суффикс косвенной принадлежности.

Наиболее точную характеристику суффикса косвенной принадлежности, с нашей точки зрения, дает В. А. Аврорин. Он относит рассматриваемый формант к числу морфем смешанного формообразования, которые «передая независимые грамматические значения, ... по поведению в слове и отчасти по значению обнаруживают сходство с морфемами зависимого формообразования, но сохраняют вместе с тем существенное отличие от последних. Их переходный и несколько неустойчивый характер позволяет назвать их морфемами смешанного формообразования»¹¹.

⁸ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947, стр. 234.

⁹ В. И. Цинциус. Очерк соч., стр. 234.

¹⁰ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 105.

¹¹ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 76.

⁷ Б. К. Пашков. Маньчжурский язык. Изд-во восточной литературы. М., 1963, стр. 38.

Морфемы смешанного формообразования наряду с морфемами релятивного образования относятся В. А. Аврориным к числу словоизменительных морфем. Морфемы релятивного образования противопоставляются морфемам основообразующим, которые, в свою очередь, подразделяются на морфемы словообразования и морфемы деривативного формообразования. К словообразующим морфемам В. А. Аврорин относит все морфемы, служащие для выражения и изменения лексических значений. Морфемами деривативного формообразования он считает морфемы, служащие «для выражения и изменения грамматических значений, наиболее тесно смыкающихся со значениями лексическими»¹². К этого рода морфемам им относятся такие показатели имен существительных, как суффиксы уменьшительности, собирательности, сопроводительности.

Следует указать на значительную близость между морфемами деривативного и смешанного формообразования. Довольно часто между ними затруднительно провести четкое разграничение, поскольку и те и другие передают независимые грамматические значения, и те и другие следуют после словообразующих морфем, но между ними имеются и значительные различия: если первые из них способны модифицировать лексическое значение слова, придавать ему какие-то дополнительные оттенки, то последние никаких дополнительных значений оформляемому слову не сообщают, передавая лишь независимое грамматическое значение. Между прочим суффиксы деривативного и смешанного формообразования, несмотря на их значительную близость, в языках тунгусо-маньчжурской группы по своей грамматической функции не всегда совпадают. Если в языках эвенкийском, нанайском и некоторых других суффиксы уменьшительные и увеличительные относятся к числу морфем деривативного формообразования, то в эвенском языке эти форманты относятся скорее к числу показателей смешанного формообразования, о чем свидетельствует их место в составе слова: они следуют после суффикса косвенной принадлежности, относящегося к числу словоизменительных формантов смешанного формообразования.

Много общего и между морфемами релятивного и смешанного формообразования: и те и другие являются словоизменительными морфемами, и те и другие не изменяют лексического значения основ, к которым присоединяются. Но между ними также есть существенное различие: первые — выражают синтаксические связи между словами в предложении или словосочетании, вторые — выражают независимые грамматические значения.

Для тунгусо-маньчжурских языков уже не требуется доказывать, что порядок расположения морфем в составе слова определяется степенью обобщенности выражаемых ими значений. На первом месте всегда стоит корень слова, грамматическое значение которого наиболее конкретно, за ним следуют основообразующие форманты, значение которых более обобщенно, поскольку они приложимы уже к определенному кругу слов, причем среди них морфемам деривативного формообразования предшествуют морфемы словообразования, так как грамматическое значение последних менее обобщенно и употребительно с гораздо меньшим кругом слов. За основообразующими морфемами следуют словоизменительные морфемы, из которых на первом месте стоят морфемы смешанного формообразования и уже после них — морфемы релятивного формообразования. Грамматическое значение словоизменительных морфем наиболее обобщенно, ими может быть оформлено почти любое слово определенной части речи. Наличие всех перечисленных морфем в составе одного слова не является обязательным, вполне возможно употребление слова, в составе которого имеется лишь корневая морфема, которая в этом случае является и основой слова, возможно употребление слова, в состав которого входят основообразующие морфемы, причем в одном слове можно наблюдать и морфемы словообразования, и морфемы деривативного формообразования, а возможно употребление слова, в составе которого наблюдаются или морфемы деривативного формообразования, или морфемы словообразования. То же можно сказать и о словоизменительных морфемах, присоединяемых к основе слова, к которой могут быть присоединены морфемы смешанного формообразования и морфемы релятивного формообразования, причем они могут оформлять основу и вместе и порознь. Кроме того, в составе слова возможно присутствие нескольких морфем смешанного формообразования, как наряду с морфемами

¹² В. А. Аврорин, Указ. соч., стр. 76.

релятивного формообразования, так и без них (количество их в составе слова также не ограничивается).

Поскольку суффикс косвенной принадлежности относится к числу морфем смешанного формообразования, в составе слова он следует после основообразующих формантов: эвенк. *Этыркэн чукагингдун* (чука 'трава' — основа, -г — основообразующий суффикс собирательного значения, -и — соединительный гласный, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -ду — суффикс дат. падежа, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *авдурдувар сингэрэкэр кикэтчэрэ, дявматчэрэ* 'На стариковском лугу (его) мыши в норах свистят, перекликаются' [49]; *Мэнцилвэр аяткулар пактырулэнцилвэр (пактыру — глагольная основа 'стрелять', -лэн — основообразующий суффикс со значением 'мастер своего дела', -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -вэр — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) бултадатын уңиқитын* 'На пушной промысел выделяли своих лучших стрелков' [51]; *Бу сулакиксаңилбун (сулаки 'лиса' — основа, -кса — основообразующий суффикс со значением 'шкура', -ң — суффикс косвенной принадлежности, и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -бун — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) со гузоил* 'Наши лисьи шкуры очень красны' [1]; *Эргэчир гэрбичилвэ сорталва Мичурин ганжин, севердынгми виноградви аягдави* 'Вот какие были названия сортов, которые выписал Мичурин, чтобы улучшить свой северный виноград' [55]; эвен. *Нам'энқаңт һуну најырэн, өткэн' кусидэ* 'Приморский житель (наш) вас вызывает, чтобы драться саблями; *Нақ'т'с'лүн наир'эңи ист'энэлэ ноқутт'эн* 'Его медвежья шкура висит на стене' [69]; эвенк. *Эрты синги улукиткэннгис!* 'Вот твой бельчонок!' [49].

Предшествуют суффиксу косвенной принадлежности и морфемы деривативного формообразования: эвенк. *Уксукин'д'аңин* (уксуки 'орел' — основа, -н'д'а — суффикс деривативного формообразования со значением увеличительности, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *эмэкэжэн оёдүн хэрдэдан* 'Подлетев, его орлище начал парить над ним'; *Аванхин'д'аңин* (авахи 'черт' — основа, -н'д'а — суффикс деривативного формообразования со значением увеличительности,

-ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *тэккэлчэн* 'Его чертище закричал'; *Мурин сбуринчй урэкэжэнциви* (урэ 'гора' — основа, -кэжэн — суффикс деривативного формообразования со значением уменьшительности, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -ви — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) 'Конь пул погой' (свою) горку' [63]; *Муду мут никичэнцилты* (ники 'утка' — основа, -чэн — суффикс деривативного формообразования со значением образования названий животных, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л показатель мн. ч., -ты — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) *уйганчатын* 'На воде плавали (наши) дикие утки' [1].

Как уже упоминалось, к числу формантов деривативного формообразования в некоторых языках тунгусо-маньчжурской группы относится и уменьшительный суфф. -кан, который обычно предшествует суффиксу косвенной принадлежности, например: нан. *Суэ дамаликангосу-буэ тавакангопу!* 'Ваш табачок — наш огонек!' [46]; *Наон-дэкан гасакангои тэнг мангади кайранкини* 'Мальчик из-за (своей) птички очень опечалился' [22]; эвенк. *Аги дялкадун диктэкэңитэй доран* 'На опушке леса с ягодкой села' [60]; *Эда си мингилвэ сингэрэкэргигэв нунгандун анидяни?* 'Что же ты ей моих мышей даришь?' [54].

В эвенском же языке уменьшительно-ласкательный суфф. -кан относится к числу морфем смешанного формообразования и следует после показателя косвенной принадлежности: *Мут н'ол'тэңканти* 'наше солнышко'; *Г'эван'канти г'эван'рэн* 'Зоренька (наша) засветилась' [69]; *Дюганингканти манун. Монтэнсэңкэнтэ мокилтан* 'Летушко (наше) кончилось. Осенька (наша) заметна стала' [68].

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, окажется еще один суффикс смешанного формообразования, то последний может предшествовать ему, но может следовать и после него. Конечно это не значит, что один и тот же формант может в составе слова перекочевывать с места на место, обычно подобные форманты занимают в составе слова определенное место, но в различных языках тунгусо-маньчжурской группы их распределение в составе слова может не совпадать.

Так, если в составе существительного кроме суффикса косвенной принадлежности находится суффикс мн. числа, то в языках эвенском, эвенкийском, негидальском, орокском, ульчском и удэгейском первый из них предшествует последнему, например: эвенк. *Омолгиңилин* (омолги 'сын' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *Дьлавлэр эмэрэ* 'Сыновья (ее) пришли домой' [63]; *Урэткэл дэврадексал, оллонгилвар* (олло 'рыба' — основа, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -вар — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *нэкудерэ* 'Таежники, приплыв в лодке, (свою) рыбу вешают сушить' [43]; *Эхэцилин* (эхэ 'медведь' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *бэюңилээн* (бэю(н) 'дикий олень' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -ээ — суффикс вин. падежа, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *тээридувэр нуңанманда эчэл сарэ* 'Медведи (его) ловили брошенных им оленей (его) и не заметили его' [63]; эвен. *Таръл өрил'эр, асийң'лтын* (асий 'женщина' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -ы — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -т'ын — лично-притяжательный суффикс 3-го лица мн. ч.) *нбд'л, нурк'ың'л'т'ын* (нурк'и(н) 'парень' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -ы — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -т'ын — лично-притяжательный суффикс 3-го лица мн. ч.) *чақт'ыл, орт'ын бэрг'л* 'Женщины у тех кочевников красивые, парни (их) — смелые, олени — жирные'; *қаб'хөң'л'аби* (қаб'хө 'куропатка' — основа, -ы — соединительный гласный, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -ы — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -би — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *һүт'қандү'к нуриэ* 'Я выпул куропадок (своих) из мешка (своего)' [69]; *Нонган аил дуктангални* (дукта 'произведение' — основа, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -а — соединительный гласный, -л — суффикс мн. ч., -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го

лица ед. ч.) *хо хоя* 'у него много хороших произведений' [67]; орок. *Ча сиронулбари* (сиро 'дикий олень' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -бари — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *лэкэди галпанатчици* 'Тех диких оленей (своих) стрелами постреляли'; *Эдэ салданулни* (салда 'воин' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *дуку-дуку тавумбани гэлл'ичи* 'Воины вождя обыскивали каждый дом'; *Би сундаталба нэттэлбэ су униңултаису* (уни 'река' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -таи — суффикс направит. дат. падежа, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) *хэвэрэңултаису* (хэвэрэ 'озеро' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -тэи — суффикс направит. дат. падежа, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) 'Я рыбу, нерпу не посылаю в ваши реки, в ваши озера' [71]; ульч. *Тупами жу ээн манача кэкэңусэлтии* (кэкэ 'служанка' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -эл — суффикс мн. ч., -ти — суффикс направит. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *хэндини* 'Потом старик, хозяин дома, говорит (своим) служанкам' [2]; удэг. *Ули ки'алани явадала хэутэси'эты си ба'атаңинаи* (ба'ата 'сын' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -на — суффикс мн. ч., -и — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) 'У реки что-то кричали (твой) сыновья' [1].

Подобное же оформление принимают окказионально-субстантивированные прилагательные, местоимения, причастия и междометия: эвенк. *Мэннигилви-дэ эрунгилви этэнни ачиннгира* 'И плохое (свое) не исправил' [54]; эвен. *Этуриң'л'тын, бэиң'л'тын йл'н бисит'ын* 'Охраняющих (их) людей (их) было трое' [69]; орок. *Гэ, тариңулни нбмбони гадумари нэнухчи-тэни* 'Ну, те (его) привели его к дому вождя' [71].

В ороцком же языке суффикс косвенной принадлежности следует после показателя мн. числа: *Бу мамачасаңидуму жа туңа мапа насани бичини* 'У наших старух было 15 шкур медведей' *Бу мамачасаңиму, асантасаңиму ая миочала* 'Наши старики и женщины хорошие стрелки' [1].

Что касается нанайского языка, то, если в слове, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, окажется

еще один суффикс смешанного формообразования — суффикс мн. числа, то, как отмечает В. А. Аврорин, «тут уже нет установившегося порядка их расположения по отношению друг к другу. Вполне допустимы оба возможных случая: сначала суффикс косвенной принадлежности, затем суффикс множественного числа и наоборот»¹³: *Ми школьниксалнгои* (школьник 'школьник' — основа, *-сал* — суффикс мн. ч., *-нго* — суффикс косвенной принадлежности), *-и* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) *нѣанчиани молокова, эмѣбѣ, сухарьсалба ирахачи* 'Мои школьники натащили ему молока, хлеба, сухарей' [21]; *Тэй коверсалба Туркмениа паксисалнгои* (*пакси* 'мастер' — основа, *-сал* — суффикс мн. ч., *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-ни* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *ангохачи* 'Эти ковры мастера Туркмении делали' [32]; *Нгонимиди Опороку Гармакта мэнэ гармактасалнгоичи* (*гармакта* 'комар' — основа, *-сал* — суффикс мн. ч., *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-чи* — суффикс направит. падежа, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *дэгдэгухэни* 'Полетел комар с длинным носом к своим комарам' [27]; Но вместе с тем *Боатонго гасангосалку* (*гаса* 'утка' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-сал* — суффикс мн. ч., *-ку* — суффикс формы обладания) *поктола дуэрэхэни* 'Охотник с утками шел по дороге' [3]; *Тотанари гасасал Дэуруэнгусэдиэри* (*дэуруэ* 'выводок' — основа, *-нгу* — суффикс косвенной принадлежности, *-сал* — суффикс мн. ч., *-ди* — суффикс твор. падежа, *-эри* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *Студенячи онѣандамари энэйчи* 'А потом утки с детенышами (своими) на Студеную отправляются плавать' [24]; *Наондѣкан хабдатангосалку* (*хабдата* 'лист' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-сал* — суффикс мн. ч., *-ку* — суффикс формы обладания) *дуэнтэдиэди агбинкини* 'Мальчик с листьями вышел из лесу' [5].

В напайском же языке отмечен случай, когда суффикс косвенной принадлежности находится в составе слова между двумя формальными показателями мн. числа, что, по всей вероятности, объясняется утратой одним из суффиксов мн. числа своей грамматической функции, напри-

мер: *Буэ полярний баторсалнгосалпу хэми тункуй дюкэду кадаракони бичи* 'Наши полярные богатыри смело дрейфуют'; *Буэ баторсалнгосалпу — Севернэй полюсаду* 'Наши богатыри — На Северном полюсе' [15].

Необходимо сказать, что материалы по напайскому языку, которыми мы располагали, обнаруживают, что чаще суффикс косвенной принадлежности в составе слова следует после показателя мн. числа, случаи же обратного их расположения исчерпываются указанными примерами.

Наличие в составе одного слова двух формальных показателей мн. числа, между которыми находится суффикс косвенной принадлежности, удалось обнаружить и в материалах по эвенкийскому языку. Обычно это бывает в тех случаях, когда суффиксу косвенной принадлежности предшествует формант деривативного формообразования *-кан* / *-кэн* / *-кон* или когда основа существительного оканчивается на согласный *-н*. Как известно, формы мн. числа от подобных основ в эвенкийском языке образуются путем замещения согласного *-н*- суффиксом мн. числа *-р*. При присоединении к основам этих существительных показателя косвенной принадлежности, наряду с суффиксом мн. числа, следующего после него, сохраняется и показатель мн. числа, предшествующий суффиксу косвенной принадлежности, например: *Заозеркин хелакиткарнгилин хулукукэр*, *Подковкинъянгиладук*, *Бровкинъянгиладук хулутмэрил бичэтын* 'Заозеркинские куропатки очень мелкие, а из Подковкино и из Бровкино еще мельче' [49]; *Нэкунигиви Олянгива мудана ачирнгишван мангичана рояльду эвирвэн долмудякса, умнэ минтыки гунчэн* 'Прислушиваясь раз к бесконечным (букв. конца отсутствие (его), чрезвычайно нетерпеливым упражнениям на рояле младшей сестры Оли, он сказал мне' [52].

Наконец, в эвенкийском языке отмечен случай, где единственным показателем мн. числа является формант, предшествующий показателю косвенной принадлежности: эвенк. *Эда си мингилви сингэрэкэрнгивэв нунгандун анидьяни?* 'Что же ты ей моих мышей даришь?' [54].

Приведенные примеры с двумя показателями мн. числа не являясь общераспространенными, чаще подобные существительные оформляются одним показателем мн. числа, следующим после суффикса косвенной принадлежности. Примеры же с двумя формальными показателями мн. числа, с нашей точки зрения, следует рассматривать как

¹³ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 161.

исключения, в которых показатель мн. числа, предшествующий суффиксу косвенной принадлежности, является реликтовой формой, утратившей в современном эвенкийском языке свои грамматические функции.

Несколько отвлекаясь от темы, можно указать, что во всех рассматриваемых языках мн. число имен существительных может не получать формального выражения. А в языках удэгейском и ороцком оформление суффиксом мн. числа получают, как правило, только существительные, обозначающие предметы, относящиеся к категории лица; остальные же существительные оформления им не получают. Если существительное обозначает множество предметов, но не имеет формального показателя мн. числа, то в этом случае отсутствие суффикса числа компенсируется другими средствами: контекстом, количественными числительными или другими словами с количественным значением.

Но следует помнить и то, что в ряде случаев значение множественности не передается ни формальными показателями мн. числа, ни другими грамматическими и неграмматическими средствами. Подобное явление наблюдается в случаях, когда информация о числе предмета является несущественной для данного высказывания. Особенно характерны подобные явления для удэгейского и ороцкого языков, где, как говорилось, формальные показатели числа оформляют лишь один класс существительных, т. е. для тех языков, где категория числа не получила достаточного развития. Но и в языках тунгусо-маньчжурской группы, где суффикс мн. числа может быть присоединен к любому существительному (естественно, что это не относится к существительным, не образующим форм мн. ч. по своим семантическим или морфологическим особенностям), специалисты указывают на факультативность его употребления. Так, Т. И. Петрова сообщает, что «ульчи, как и нанай, в тех случаях, когда ясно, о каком количестве идет речь, опускают суффикс мн. числа»¹⁴. Даже в языках ороцком и удэгейском, где сфера употребления формальных показателей мн. числа и без того охватывает незначительный круг существительных, специалисты обращают внимание на то, что «формы множественного

числа употребляются крайне редко, лишь при необходимости подчеркнуть множественность и отсутствие других указаний на нее»¹⁵.

Подобные наблюдения высказывает и исследователь удэгейского языка Е. Р. Шнейдер. Он пишет, что «употребление форм мн. числа существительных в удэгейском языке не является строго обязательным»¹⁶. Суффиксом мн. числа ороки пользуются для имен существительных редко. Не составляет исключения в этом отношении и нанайский язык, в котором, как сообщает В. А. Аврорин, «употребление мн. числа является в одних случаях обязательным, а в других — лишь факультативным, при большей или меньшей предпочтительности употребления форм ед. числа»¹⁷. Подобное же положение наблюдается в негидальском языке, где слово в форме ед. числа может обозначать множество одноименных предметов. Наконец, даже в языках эвенкийском и эвенском, где категория числа является универсальной и наиболее развитой из всех тунгусо-маньчжурских языков, исследователи отмечают случаи употребления формы ед. числа для обозначения множества»¹⁸.

Все эти факты свидетельствуют о сравнительной «молодости» в тунгусо-маньчжурских языках категории мн. числа, выражаемой суффиксальными показателями, что дало основание В. А. Аврорину высказать предположение о том, что «современные случаи факультативного употребления форм мн. числа относились в прошлом к случаям регулярного выражения множественности формами ед. числа»¹⁹.

Само собой разумеется, что при необходимости подчеркнуть идею множественности существительные получают оформление формантами мн. числа или эта идея выражается какими-либо другими способами.

¹⁵ В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкий язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 195.

¹⁶ Е. Р. Шнейдер. Краткий удэицко-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936.

¹⁷ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 140.

¹⁸ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. стр. 44; К. А. Новикова. Эвенский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 126.

¹⁹ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 140.

¹⁴ Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936, стр. 29.

некоторые разряды местоимений и числительных, к которым категория степени сравнения абсолютно неприменима.

Как уже говорилось, суффикс выделительной формы может присоединяться к именам существительным, но возможно его употребление и с именами прилагательными, а также с некоторыми разрядами местоимений и числительных. Последние при присоединении суффикса выделительной формы в сочетании с суффиксом косвенной принадлежности и соответствующими притяжательными формантами обычно подвергаются окказиональной субстантивации.

Во всех рассматриваемых языках суффикс выделительной формы, как правило, предшествует суффиксу косвенной принадлежности, например: удэг. *Буйэ минду улидыдимаңи* 'Дай мне то, что покрасивее' [1]; орок. *Мапа димба бо омбо вагани: дайдумаңоби нбни хагду дбдучи вагани* 'Старик убил четырех медведей, того (своего), который большой, он убил в берлоге' [1].

В нанайском же языке этот суффикс может следовать после суффикса косвенной принадлежности: *Буйгунгудимэи минду буру* 'Дай мне того, который пожирнее'; *Буйгунгудимэси хавой?* 'Который из твоих пожирнее?' [3], но может и предшествовать ему: Эмдимэнгуи Лилитэчи нангалохани 'Одну из них (свою) бросил Лилиту' [26]; *Парпиндимангои буру!* 'Дай то, что посвежее!'; *Улэндимэнгуи буру!* 'Дай то, что у тебя красивее' [3]. Подобное явление можно объяснить лишь тем, что обе морфемы — и суффикс выделительной формы, и суффикс косвенной принадлежности — относятся к числу морфем смешанного формообразования, порядок чередования которых в составе слова, как уже упоминалось, не является строго обязательным.

В эвенкийском языке рассматриваемому суффиксу выделительной формы соответствует суффикс сравнительной степени качественных имен прилагательных *-тмар/-тмэр* и его фонетические варианты *-дмар/-дмэр/-дмор* и *-мар/-мэр/-мор*, который, в отличие от суффикса выделительной формы, может присоединяться лишь к основам имен прилагательных, сообщая при этом им не выделительное значение, а степень качественного признака предмета. Правда, отмечены случаи оформления данным суффиксом и основ имен существительных, что обусловило вывод Г. М. Василевич о том, что «сравнительная степень в эвенкийском языке не является только категорией прила-

гательных» и что «в этой степени... могут быть имена существительные и наречия»²⁶, но относить данные слова к числу имен существительных не приходится, так как в подобном оформлении они теряют присущее им предметное значение и приобретают значение адъективное, иначе говоря, в этом случае рассматриваемый суффикс образует от основ некоторых имен существительных прилагательные. К числу таких существительных относятся слова: *акин* 'старший брат', *экин* 'старшая сестра', *нэкун* 'младший брат', 'младшая сестра'. Как справедливо отмечает О. А. Константинова, эти существительные с интересующим нас формантом не выражают значения сравнительной степени, они соотносятся с прилагательными 'старый' и 'младший'²⁷. Таким образом, считать данный суффикс формантом, образующим сравнительную степень от основ имен существительных, не приходится.

Казалось бы, что форму типа *акйндымар*, *экйндэмэр*, *нэкундымэр* можно рассматривать как выделительную форму имен существительных, однако значение, которое сообщает перечисленным словам суфф. *-дымар / -дымэр*, не дает тому оснований. Действительно, буквальный перевод названных форм будет следующий: *акйндымар* '(тот который) старший', причем совсем не обязательно, чтобы этим старшим был брат, им может быть любой человек мужского пола; иначе говоря, слово *акйндымар* означает '(тот, который) старший из какой-то группы людей', слово *экйндэмэр* '(та, которая) старшая из какой-то группы людей', слово *нэкундымэр* '(тот, который) младший' или '(та, которая) младшая (из какой-то группы людей)'. Эти слова можно было бы считать выделительной формой имен существительных только в том случае, если бы они означали соответственно: 'тот, кто старший брат'; 'та, которая старшая сестра'; 'тот, который младший брат' или 'та, которая младшая сестра'. Но такого значения эти слова, как мы видим, не имеют.

Рассматриваемые прилагательные могут подвергаться окказиональной субстантивации, но в этом случае их значение не идентично значению существительного, от которого они образовались, например: *Миндук акйндымарду*

²⁶ Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского языка. М.—Л., 1940, стр. 29.

²⁷ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 107.

бум 'Я дал тому, который постарше меня' [63]; но *Акйн дуви бум* 'Я дал своему старшему брату'.

Можно присоединиться к мнению О. А. Константиновой, согласно которому выделительное значение было свойственно и эвенкийской форме с рассматриваемым суффиксом *-тмар*, *-дымар*, лишь по отношению к некоторым говорам, в которых такое значение наблюдается до сих пор, об этом же свидетельствуют и названные выделительные формы имен прилагательных.

Если в слове, наряду с суффиксом *-тмар*, *-дымар* (независимо от его значения), присутствует суффикс косвенной принадлежности, то последний всегда находится в постпозиции по отношению к первому, например: *Уркаттук хagdamarигитин акинтин гасā рэктирэwүнми* 'Самый старший брат взял ружье' [39].

Предшествует в составе слова суффиксу косвенной принадлежности и формант *-ргу*, обозначающий усиление признака; *Букэл минду гузоургунци* 'Дай мне то, что у тебя есть покрасивее' [1].

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, имеются какие-либо словоизменительные суффиксы релятивного формообразования, то последние во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, всегда следуют после суффикса косвенной принадлежности. В маньчжурском языке формы косвенной принадлежности нет, поэтому он в настоящей работе не рассматривается. К релятивным суффиксам относятся прежде всего форманты косвенных падежей, которые могут быть представлены в следующем виде: (см. табл. 5). Основные особенности их образования сводятся к следующему: 1) как видим из таблицы, им. падеж во всех рассматриваемых языках выражается отсутствием формального показателя (нулевая форма), что позволяет противопоставлять существительное в им. падеже всем остальным косвенным падежам, каждый из которых имеет свой, только ему присущий, формальный показатель; 2) во всех рассматриваемых языках имеется суффикс вин. падежа, который, однако, употребляется лишь со словами в простой (непритяжательной) форме и при лично-притяжательном склонении, например: эвенк. *Оликакур вэктчэрэ — бакакатчул мотынгматын* 'Каркают вороны — нашли они их лосей' [42]; *Дуннэңйлэтын шārэн* 'Он знал их места' [39]; нан. *Понгсана моримбари паяктанговани посиндахаги*

Таблица 5*

Язык \ Падеж	Эвенкийский	Эвенский	Негидальский	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орочский	Удгейский
Именительный	-0	-0	-0	-0	-0	-0	-0	-0
Винительный	-ва, -ма, -па, -ка	-е, -у, -м, -бу	-ва, -ма, -ба	-ва, -ба	-ва, -ба	-ва, -ву, -ба, -бу	-ва, -ма, -ба	-ва
Винительный- неопределенный	-ја, -а		-ја, -а					
Дательный	-дү, -тү	-дү, -тү	-дү, -тү	-до	-дү	-дү	-дү	-дү
Направительный	-тки, -тыки	-ткй, -такй	-тки, -тти, -тихи	-чи	-ти	-таи, -таки	-ти	-тиги
Местный	-ла, -дулā, -тулā	-лā, -ңā, -дулā, -тулā	-лā, -дулā, -тулā	-ла, -дола	-ла, -дула	-ла, -дула	-ла, -дүла	-ла, -дүла
Продольный	-лй, -дулй, -тулй	-лй, -нй, -дүлй	-лй, -дулй, -тулй		-ки, -кй	-ки, -ке, -кки, -кке	-ли, -дүли	-ли, -дили
Направительно- местный	-гла, -кла	-клā						
Направительно- продольный		-кли						
Отложительный	-дук, -тук	-дук, -тук	-дуккай, -туккай			-ду, -дуки	-дүи	-диги
Исходный	-гит, -кит, -ңит	-гйч, -кйч, -ңйч		-диади	-җиҗи	-җеду	-җиҗи	
Творительный	-т, -ди	-ч, -нь, -ди	-ди, -чи	-ди	-җи	-җи	-җи	-җи
Назначительный		-га		-го, -гу	-җу	-до	-јā, -лā, -нā	-на

* В целях упрощения из фонетических вариантов падежных суффиксов, зависящих от гармонии гласных, здесь приводятся лишь те, которые связаны с первой серией гласных.

‘Понга и его семья поехали косить сено (для) своего коня’ [4]; *Тэй най албан дуэнтэнгуэвэни этухэни* ‘Этот человек лес государства охранял’ [36].

При возвратно-притяжательном склонении форма падежа является нулевой, что оказывается возможным потому, что возвратно-притяжательная форма не имеет в системе своего склонения им. падежа, например: эвенк. *Этыркэңци їдыаван їдыамй элэ эмэм!* ‘По следам мужа (своего) сюда прилетела!’ [63]; *Аракиңмй умйена-умйена, н’экэңмэн гэлэлчэ* ‘И, спавая его спиртом (своим), стал просить соболя (его)’, [61]; *Илэл героингмар аявукил* ‘Народ любит своих героев’ [47]; нан. *Тотам-да эм на-ондэкан нэамбани хангпанда, мэнь монгои алохани* ‘Но один мальчик догнал ее и протянул свой шест’ [36]; *Эси нэанчи странаду хайва-да хэм калагилайчи-гоани, странаду мэнь социалистической порядоңгоари оповонгилайчи-гоани* ‘И теперь им нужно передать все в стране, навести в ней свой, социалистический порядок’ [23]; *Гэрэн гурун мэнь гуангоари мэнь ангойчи* ‘Народ свои законы сам делает’ [36].

Форму винительного неопределенного падежа находим в эвенкийском и негидальском языках, в остальных рассматриваемых языках этот падеж отсутствует. Как отмечает О. А. Константинова, одной из функций винительного неопределенного падежа в сочетании с притяжательными формантами является обозначение предмета, который предназначается определенному лицу²⁸. Таким образом, выясняется, что винительный неопределенный падеж эвенкийского языка выполняет в частности те функции, которые в других языках выполняет назначительный падеж, в свою очередь отсутствующий в языках эвенкийском и негидальском. При этом необходимо сказать, что назначительный падеж, так же, как и винительный неопределенный (если он употребляется в предназначенной функции), употребляется лишь в сочетании с притяжательными формантами.

Как отмечает В. А. Аврорин, суффикс назначительно-падежа «представляет собой по сути дела особый вариант винительного падежа. В отличие от последнего он не только выражает прямой объект, но и указывает комбинацией своего суффикса с суффиксами притяже-

ния на предназначенность этого прямого объекта²⁹. Можно предположить, что суффикс винительного неопределенного падежа эвенкийского и негидальского языков некогда выполнял в предложении те же функции, что и назначительный падеж в других рассматриваемых языках, позднее же он стал употребляться в этих языках для выполнения и других функций: выражения прямого объекта, выражения значения части целого. Свидетельством тому служит и общность формы винительного неопределенного падежа с формой назначительного падежа в ороцком языке, а последнюю, в свою очередь, можно поставить в связь с аналогичными формами нанайского и эвенского языков.

Дательный, направительный и местный падежи в интересующих нас языках более или менее идентичны. То же можно сказать и о продолжном падеже, который отсутствует лишь в нанайском языке, где его функции выполняются местным падежом³⁰.

Направительно-местный падеж отмечается исследователями в эвенкийском и эвенском языках, в остальных языках его функции выполняет частично назначительный, частично местный падеж.

Только в эвенском и в некоторых говорах эвенкийского языка имеется направительно-продольный падеж, функции которого в остальных языках возложены на направительный падеж.

Отложительный падеж находим во всех рассматриваемых языках, кроме нанайского и ульчского, здесь он, по предположению В. А. Аврорина, выпал из падежной системы, «поскольку у него не оказалось таких функций, которые не могли бы выполнять другие падежи (в нанайском языке его падежные функции распределились между местным и исходным падежами). Но в одной функции, в функции второго члена сравнительного оборота, ... форма отложительного падежа сохранилась, но приобрела новое, узко специализированное назначение. Она стала восприниматься как сравнительная форма, находящаяся за пределами падежной системы, но вплотную к ней примыкающая»³¹.

²⁹ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 165.

³⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 182.

³¹ Там же, стр. 185—186.

²⁸ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 49.

Как уже упоминалось, падежные показатели всегда следуют в составе слова после суффикса косвенной принадлежности: эвенк. *Érdət dilacayyas* (*dilaca* 'солнце' — основа, *-y* — суффикс косвенной принадлежности, *-ya* — ассимилированный вариант суффикса вин. падежа (*-va*), *-s* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *kaĵžəlim!* 'Сейчас солнце (твое) загорел!' [39]; *Эцэл вара бэежмэт* (*бэе* 'человек' — основа, *-н* — суффикс косвенной принадлежности, *-мэ* — ассимилированный вариант суффикса вин. падежа, *-т* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Не убили нашего мужика' [63]; *Би-да гараңжави* (*гара* 'сук' — основа, *-н* — суффикс косвенной принадлежности, *-ја* — суффикс вин. (неопределенного) падежа, *-ви* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *гакта!* 'Возьму-ка и я (свой) сук!' [63]; орок. *Би мэң асанзиһи нуңани мапасаңидуни* (*мапа* 'старик' — основа, *-са* — суффикс мн. ч., *-һи* — суффикс косвенной принадлежности, *-ду* — суффикс дат. падежа, *-ни* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *биви* 'Я со своей женой живу у ее стариков' [1]; *Си амбаңиваси* (*амба* 'черт' — основа, *-һи* — суффикс косвенной принадлежности, *-ва* — суффикс вин. падежа, *-си* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *вахами* 'Я убил твоего черта' [70]; *Мэггэдэ, ту мапача одуками, золоңилати* (*золо* 'камень' — основа, *-һи* — суффикс косвенной принадлежности, *-ти* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица мн. ч.) *ңэнэһи* 'Герой пошел к (их) камню, не обращая внимания на старика' [70]; орок. *Эси би ситтэи бојоңуласи* (*бојо* 'медведь' — основа, *-һу* — суффикс косвенной принадлежности, *-ла* — суффикс местн. падежа, *-си* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *таммэви* 'Теперь я тебе за твоего медведя плачу'; *Би сундатталба, нэттэлбэ эсу ңэнэундэ су униңултасу* (*уни* 'река' — основа, *-һу* — суффикс косвенной принадлежности, *-л* — суффикс мн. ч., *-таи* — суффикс направит. падежа, *-су* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.), *хэвэрэңултасу* (*хэвэрэ* 'озеро' — основа, *-һу* — суффикс косвенной принадлежности, *-л* — суффикс мн. числа, *-тэи* — суффикс направит. падежа, *-су* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) 'Я рыбу, нерпу не посылаю в ваши реки, в ваши озера' [71]; *Би мапаңудуви* (*мапа* 'старик' — основа, *-һу* — суффикс косвенной принадлежности, *-ви* — лично-

притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *бара сули наттани* 'у моего старика много шкур лисиц' [1]; нан. *Мапачангоһии* (*мапача* 'старик' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-һи* — суффикс направит. падежа, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *эуру* 'Поезжай к своему старику' [22]; *Маңгаңговани* (*маңга* 'сила' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-һа* — суффикс вин. падежа, *-һи* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *ээм байгоани* *жапаха* 'Всю силу (ее) враг взял' [2]; *Нёани нечэн омонгодоани* (*омо* 'клетка' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-до* — суффикс дат. падежа, *-а* — суффикс косвенных падежей, *-һи* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *реполов бичин* 'В клетке (его) у него был реполов' [30]; *Уседом тэтанца мэндугой нямняори морингогои* (*мори(н)* 'конь' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-го* — суффикс назначит. падежа, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *гачини* 'Уседом потом купил себе другую верховую лошадь' [25]; удэг. *Городала бу мэңэ детской сададу улэһэңинэни* (*улэһэ* 'мясо' — основа, *-һи* — суффикс косвенной принадлежности, *-нэ* — суффикс назначит. падежа, *-һи* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *ила тангу килэвэ гадаһаму* 'В городе мы купили для своего детского сада 300 килограммов мяса'; *Ни сугэһаңивани* (*сугэһа* 'рыба' — основа, *-һи* — суффикс косвенной принадлежности, *-ва* — суффикс вин. падежа, *-һи* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *си заваһиһаи?* 'Чью рыбу ты забрал?' *Анта би нинтациһии* (*нинта* 'мужчина' — основа, *-һи* — суффикс косвенной принадлежности, *-һи* — суффикс твор. падежа, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *эсини эмэһи* 'Женщина с моим мужчиной не приехала' [1]; эвен. *Авүсү энтириңгэј* (*энтири* 'глухарь' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-гэ* — суффикс назначит. падежа, *-ј* — возвратно-притяжательный суффикс ед. числа) *мәһина остёклай бэргүчэн'ё* 'Мой зять глухаря (себе) зажившего до костей убьет'; *Нөсүчэрһитук'и анһыңһндүк'й* (*анһыңһ* 'год' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-дүк* — суффикс отложит. падежа, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *би энэјэл'дүл'э гургэвиеэттив* 'С юных лет (своих) я работал у богатых' [69]; *Дэгикэр кемадилра*

нэгэннингтэкивур (*нэгэни* 'весна' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-тэки* — суффикс направит. падежа, *-вур* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) 'Птички начали готовиться к весне (своей)' [68].

Предшествует суффикс косвенной принадлежности и такой морфеме релятивного формообразования, как суффикс формы совместности: эвенк. *-нун*, эвен. *-н'ун / -н'ун*, орок. *-ндо / -нду*. Рассматриваемый формант некоторые специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам (Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, Т. И. Петрова) относят к числу падежных показателей. Но, как справедливо отмечает исследователь эвенкийского языка О. А. Константинова, форма совместности «имеет существенные отличия от падежных форм. Прежде всего, она не выражает отношений, определяющих категорию падежа в эвенкийском языке: имя с суфф. *-нун* выражает отношения между предметами, тогда как падежной форме имени свойственно выражение отношений между предметом и действием в широком смысле слова»³². Не менее убедительным свидетельством того, что суффикс формы совместности не является падежным формантом, служит и замечание О. А. Константиновой о том, что «имена с суфф. *-нун* могут присоединять к себе падежные суффиксы в том случае, если помимо отношения между предметами должны быть выражены и падежные отношения»³³.

К числу формантов релятивного формообразования, как нам кажется, следует отнести и форму совместности нанайского (*-молия / -мулиэ*), орокского (*-м'юна / -мунэ*), ороцкого (*-м'юна / -мунэ*) и удэгейского (*-м'юла / -мулэ*) языков, которую одни исследователи относят к числу основообразующих формантов³⁴, другие — к числу частиц³⁵.

Суффикс формы совместности нельзя считать основообразующим уже по одному тому, что в составе слова он следует после суффикса косвенной принадлежности, а последний в состав основы слова уже не входит. Не может

быть отнесен этот суффикс и к числу частиц, которые, как известно, сообщают оформляемому слову какие-то дополнительные оттенки значений, но никогда не выражают отношений между словами, в то время как суффикс формы совместности служит как раз для выражения подобных отношений.

Приводим примеры на употребление описанных суффиксов: эвенк. *Гауицилин дбра и нуцан гауицилнунми йрэн гулэлэ* 'Лебеди сели, и он вместе с (своими) лебедями вошел в свой дом' [58]; *Этыркэн атыркәннунми нимэвурэн* 'Старик с женой пошел в гости' [1]; нан. *Наодёкан паталангомолла гириала пулсихэчи* 'Парень с девушкой гуляли в лесу'; *Ботамди этэнгумулиэ онила энэхочи* 'Рыбак с женщиной плыл по реке' [2]; орок. *Гэ, тари нари анкатчи ча божоцум'юна* 'Ну, тот человек с тем медведем и залегли спать' [71]; удг. *Ма^{чи} ни мафацумула ва^{чани} ма^{чи} нивэ кутэцимулэ гедэ* 'Богатырь с медведем убил богатыря с тигром'; *Анта ба^{чата}цимула эсини мутэ^{чэ} цэнэксэми* 'Женщина с сыном не могла больше идти' [1].

В некоторых говорах эвенкийского языка, наряду с общераспространенной формой совместности (*-нун*), употребляется аналогичная по значению форма с суфф. *-гали / -гэли / -голи*, которую, по всей вероятности, можно поставить в связь с формой совместности нанайского, орокского и удэгейского языков: эвенк. *Нуцан мэн ацициаливи колхозла цэнэнтын* 'Он со своей женщиной поедет в колхоз'; *Ауи би бэжэцэлиэ эчин эмэрэ* 'Женщина с моим мужчиной не приехала' [1].

Суффикс косвенной принадлежности предшествует и ряду других морфем релятивного формообразования, к числу которых относится суффикс предикативно-притяжательной формы *-нги*, в эвенкийском языке — суффиксу сравнительной формы *-дын*, а также суффиксу формы подобия *-гачин / -гэчин / -гочин*, которому в эвенском языке соответствует *-гачин / -гэчин, -качин / -кэчин, -нгачин / -нгэчин*. В составе слова рассматриваемые суффиксы следуют после суффикса косвенной принадлежности, но предшествуют другим словоизменительным морфемам, например: эвенк. *Ни оллоцин?* *Ауацилэйвун* (*ауа* 'женщина' — основа, *-и* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-л* — суффикс мн. ч., *-ци* — суффикс предикативно-притяжательной формы, *-вун* —

³² О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 70.

³³ Там же.

³⁴ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 113; *Он же*. Ороцкий язык, стр. 198; О. П. Сулик. Кур-урмийский диалект, стр. 162.

³⁵ Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта), стр. 51, 87; *Она же*. Орокский язык, стр. 187—188.

лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Чья это рыба? наших женщин' [4]; *Ни улэцэйн? Этыркэццилэивун* (этыркэц 'старик' — основа с ассимилированным конечным согласным, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — суффикс мн. ч., -ңи — суффикс предикативно-притяжательной формы, -вун — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Чье это мясо? наших мужей' [4]; *Хоктол эду хэгдыл митцидын бирандынты* (бира 'река' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -дын — суффикс сравнительной формы, -ты — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) *албичил* 'Дороги здесь большие, шириной с нашу реку' [51]; *Омакта умукта таргачин-да хулукжэн бичэн Пеструшка дыгин умуктангачинин (умукта 'яйцо' — основа, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — суффикс мн. ч., -гачин — суффикс формы подобия, -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.)* 'Новое яйцо было такое маленькое, как четыре яйца Пеструшки' [49].

Как сообщает В. И. Цинциус, суффикс формы подобия и другие аналогичные форманты «характеризуются тем, что занимают в слове место перед суффиксами словоизменительными, т. е. перед суффиксами числа, падежа и притяжения, но после суффиксов словообразовательных»³⁶, это позволяет сделать вывод о том, что суффикс формы подобия эвенкийского языка -гчин, -гачин / -гэчин не может быть отнесен к числу частиц, как это делает К. А. Новикова³⁷, поскольку частицы в составе слова всегда следуют после всех словоизменительных морфем: эвен. *Нгалчми чивкачан хуткэчинни* (хут 'ребенок' — основа, -кэчин — ассимилированный вариант суффикса формы подобия, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *нэбдэлэникэн* 'Ручонками (своими) как птенчик (букв. птица ребенок ее) размахивая...'; *Тэтычэни олинды тадангачинни* (тада 'рвать' — основа, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -а — соединительный гласный, -гчин — суффикс формы подобия, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *насалран* 'Его одежда, как будто вороном порванная, дерется' [68].

Суффиксу формы сравнения (-дын) эвенкийского языка в эвенском языке соответствует послелог -дын (-дин), который связан со знаменательным словом словосочетания через притяжательную форму, отражающую лицо и число знаменательного слова, например: эвенск. *Нонган мин дыв* 'Он с меня ростом' (букв. он моя величина); *Би хин дыс бисэм* 'Я с тебя ростом' (букв. я твоя величина есть) [68].

В нанайском языке суффиксу сравнительной формы эвенского языка соответствует уподобительная частица -мат / -мэт, которая в составе слова всегда находится в постпозиции по отношению ко всем морфемам словоизменения, например: нан. *Суэ солингосу эмуту буэ энгурнепу-мэт дай* 'Ваша лиса величиной с нашего волка' [4]. К числу частиц в нанайском языке относится и показатель языках выполняет суффикс -гачин / -гэчин. В этих языках, как отмечает В. А. Аврорин, «мы находим уже не аффиксальную частицу уподобления, сохраняющую какие-то следы былой лексической самостоятельности, а особый суффикс именной формы подобия, занимающий в слове место перед лично-притяжательными суффиксами и имеющий, несомненно, общее происхождение с нанайской частицей-суффиксом -качи / -кэчи»³⁸; нан. *Пёанчи муэнсуи эмуту буэ сэгден аракингопо-качи амтаси* 'Их вода подобно вину (букв. красной водке) вкусная' [4].

Как упоминалось, чаще всего суффикс косвенной принадлежности оформляет существительные в сочетании с притяжательными формантами — личными и возвратными. Рассмотрим случаи употребления этого форманта с лично-притяжательными суффиксами: нан. *Си ми пэнтэнгудиивэ (пэнтэ 'червяк' — основа, -нгу — суффикс косвенной принадлежности, -ди — суффикс твор. падежа, -и — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч., -вэ — суффикс косвенных падежей) лигдиру* 'Подавься ты моим червяком' [27]; *Суэ дамахикангосу (дамахи 'табак' — основа, -ка (н) — суффикс уменьшительной формы с оттенком ласкательности, -нго — суффикс косвенной принадлежности, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) — буэ тавакангону (тава 'огонь' — основа, -ка (н) — суффикс уменьшительной формы с оттенком ла-*

³⁶ В. И. Цинциус. Очерк грамматики..., стр. 234.

³⁷ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 108.

³⁸ В. А. Аврорин. Грамматика..., т. I, стр. 273.

скательности, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-ну* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Ваш табачок — наш огонек' [20]; эвенк. *Чалбаткәнңилби чалба* 'береза' — основа, *-ткән* — суффикс уменьшительной формы, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-л* — суффикс мн. ч., *-би* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) *этэ-еңкэл* 'Покарауль (мой) березки' [63]; *Эр-ты синги улукиткәннис* (улуки 'белка' — основа, *-ткән* — суффикс, образующий названия детенышей, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-с* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) 'Вот твой бельчонок' [49]; эвен. *Мин чуритәнү* (чурит 'бусы' — основа, *-э* — соединительный гласный, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-у* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) *ојду дэчин* 'Мои бусы лежат сверху' [68]; *Атыканган* (атыка(н) 'старуха' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности *-а* — соединительный гласный, *-н* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *уркэтми нюмэйлэн элаттан* 'На крыльце стоит (его) старуха' [67].

Лично-притяжательные суффиксы у существительных, обозначающих предметы обладания, отражают лицо и число субъекта обладания. Субъект обладания, кроме того, выражается первым членом притяжательной конструкции, который довольно часто опускается. В последнем случае плеонастичность обозначения субъекта обладания снимается и единственным указанием на него остается лично-притяжательный формант, который опущен быть не может.

Возвратно-притяжательные суффиксы, однако, различаются по числам, но не по лицам, например: нан. *Мэнэ пастушокнгоари* (пастушок 'пастушок' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-ари* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч. обладателей) *дяпагосу* 'Своего пастушонка возьмите' [20]; *Лилитэнгуи* (Лилитэ — имя собственное, *-нгу* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч. обладателя) *пэйнгэмби оялани тэвэнкини* 'Своего Лилита посадил к себе на колени' [26]; эвенк. *Тымәннэ нулгйрэв, дагамарав бэюңцивэр* (бэюн 'лось' — основа, *ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-вэр* — возвратно-притяжательный

суффикс мн. ч. обладателей) 'Утром мы откочевали и дошли до (своего) лося' [64]; *Биранңи* (бира 'река' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-ңи* — ассимилированный вариант возвратно-притяжательного суффикса ед. ч. обладателя) *ичэжинэн иңарәгдан сулапча* 'Взглянул на реку (свою) — остался один песок' [63]; эвен. *Густэ хуличанги* (хулича(н) 'лиса' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч. обладателя) *тала тыкукэнни* 'Орлица (свою) лисицу туда бросила'; *Понгартан инэнгур* (инэ 'вьюк' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-ур* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч. обладателей) *инэлгэр* 'Они (свои) вьюки развьючили' [68].

ФОРМА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ВНЕ СИСТЕМЫ ПРИТЯЖАНИЯ

Значительное число специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам рассматривают категорию косвенной принадлежности только в связи с притяжательными суффиксами и характеризуют ее как два различных способа оформления слов притяжательными формантами. Подобного мнения придерживался В. Г. Богораз, который писал по этому поводу следующее: «Суффиксы эти (т. е. притяжательные суффиксы. — *Б. В.*) к основе присоединяются двояко: 1) непосредственно, напр. *min d'u-ŭ* 'мой дом' или 2) со вставлением суфф. *-ŋ* — напр. *min hālā-ŋ-u* 'мое железо' ¹. Разделяет данную точку зрения и К. А. Новикова; она считает, что в эвенском языке «притяжательные суффиксы присоединяются к основе имени непосредственно..., либо с добавлением к основе суфф. *-ŋ*» ².

Другие исследователи, хотя и приводят примеры сочетания в составе суффикса косвенной принадлежности с суффиксом формы обладания, но тем не менее продолжают писать о том, что «при образовании притяжательных форм часто употребляется суффикс относительной принадлежности...» ³ или, что притяжательные суффиксы «присоединяются к падежным формам имен... непосредственно или посредством суфф. *-ŋŋ / -ŋу* показателя отчуждаемой (или относительной) принадлежности» ⁴.

Первым исследователем, указавшим на необоснованность подобной концепции, был В. А. Аврорин, который

¹ В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», Г. Л., 1931, стр. 11.

² К. А. Новикова. Эвенский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 92.

³ Т. И. Петрова. Орокский язык. Там же, стр. 175.

⁴ О. П. Суник. Ульчский язык. Там же, стр. 154.

отметил, что «категория косвенной принадлежности имеет несомненную связь с категорией притяжания и чаще всего сочетается с нею, но связь эту нельзя считать неразрывной. Тем более нет никаких оснований считать косвенную принадлежность частной категорией притяжательности. Она может действовать и вне системы притяжания, сочетаясь с категорией обладания» ⁵.

Действительно, форма косвенной принадлежности может сочетаться с формой обладания, морфологическим показателем которой в рассматриваемых нами языках являются суффиксы: эвенк. *-чи*, *-лкан* / *-лкон*, эвен. *-лкан* / *-лкэн*, негид. *-лкан* / *-лкэн*, нан. *-кo* / *-ку*, ульч. *-чу*, орок. *-лу* / *-ллу*, орок. *-ки* / *-кки*, удэг. *-хи*.

Среди специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам нет единодушного мнения относительно лексико-грамматической принадлежности рассматриваемого суффикса. Одни из них относят интересующий нас суффикс к числу основообразующих морфем. Подобную точку зрения разделяет К. А. Новикова ⁶ и Г. И. Рамstedт ⁷. Так, К. А. Новикова ⁸ сообщает, что в эвенском языке «форма на *-лкан* / *-лкэн* близка в семантическом отношении к падежной, хотя к числу падежных ее отнести нельзя — это словообразовательная форма, с помощью которой от именных основ образуются новые имена со значением обладания предметом» ⁸. Данную точку зрения нельзя признать правильной, так как рассматриваемый суффикс выражает чаще всего отношения между словами, в то время как основообразующие форманты подобных отношений не выражают, служа лишь для выражения и изменения лексического значения слова.

В. И. Цинциус считает, что от «основ существительных» при помощи данного суффикса «образуются прилагательные, выражающие обладание предметом или предметами» ⁹. Подобного взгляда придерживаются и другие

⁵ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 168.

⁶ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I, М.—Л., 1960, стр. 106.

⁷ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание (Перев. с нем.). М., 1957, стр. 73.

⁸ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, стр. 182.

⁹ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1935, стр. 110.

исследователи¹⁰. О том, что «суфф. -чи в эвенкийском языке в настоящее время является словообразовательным суффиксом, сообщает и В. А. Горцевская, указывая, что суфф. -чи образует прилагательные обладания, означающие, что-либо имеющий»¹¹. В ряде своих работ слова в форме обладания относит к числу прилагательных и Т. И. Петрова¹². Правда, при этом она указывает, что, «помещая суфф. -ку в группу словообразовательных суффиксов, мы все же должны сделать большие оговорки»¹³.

А. Н. Улитин относит рассматриваемую форму к числу падежных, определяя и как «сопроводительный падеж»¹⁴.

Ошибочность и первой и второй точек зрения отмечают в своих работах многие исследователи тунгусо-маньчжурских языков¹⁵, которые относят интересующий нас суффикс к числу морфем релятивного формообразования, именуя его суффиксом формы обладания.

Указывая на несостоятельность первой точки зрения, согласно которой от основ имен существительных посредством этой формы образуются имена прилагательные, В. А. Аврорин отмечает, что «слова в форме обладания, даже когда они обозначают явные признаки предметов, исключая, понятно, слова уже адъективировавшиеся, всегда

и обязательно сохраняют предметное значение. Это — признак, но не того типа, что выражается прилагательным. Он не является постоянным для определяемого предмета и никак не характеризует существа этого предмета. Это признак предмета по обладанию (в данный момент) другим предметом... здесь нет того, хотя бы минимального отвлечения от конкретно-предметного представления, которое необходимо для перехода существительного в прилагательное»¹⁶. Лишним свидетельством того, что слова в форме обладания не бывают именами прилагательными, является факт возможности сочетания в одном слове суффикса формы обладания и суффикса косвенной принадлежности, поскольку последний, как известно, способен присоединяться лишь к именам существительным и к окказионально-субстантивированным другим частям речи, оформление которых этим суффиксом предполагает наличие субъекта обладания, обладающего какими-либо предметами, а вовсе не качествами. Наконец, сам порядок следования в составе слова суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания свидетельствует о том, что суффикс формы обладания является морфемой релятивного формообразования, служащей для выражения отношения между словами, и не может быть отнесен к числу морфем словообразования, образующих от имен существительных имена прилагательные. Вспомним, что в составе слова морфемы словообразования всегда предшествуют словоизменительным морфемам. Как уже говорилось, суффикс косвенной принадлежности относится к числу формантов смешанного формообразования, т. е. формантов, передающих независимое грамматическое значение. После названного форманта могут следовать и форманты смешанного же формообразования или форманты релятивного формообразования. К числу последних как раз и относится суффикс формы обладания, выражающий отношения между словами.

Не следует упускать из виду и те оговорки, на которые указывают некоторые исследователи, считающие суффикс формы обладания словообразовательным формантом. Дело в том, что существительные с суффиксом формы обладания выступают в предложении чаще всего в функции определения, т. е. в функции, которую обычно выполняют име-

¹⁰ Г. М. Василевич. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1934, стр. 62; А. В. Романова, А. Н. Миреева. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 34; В. И. Левин. Краткий эвенко-русский словарь Л., 1936, стр. 140; В. Котвич. Исследования по алтайским языкам стр. 342—343.

¹¹ В. А. Горцевская. Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941, стр. 80.

¹² Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967, стр. 56—58; Она же. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 40—41.

¹³ Т. И. Петрова. Очерк грамматики..., стр. 41.

¹⁴ А. Н. Улитин. Материалы по гольдскому (нанайскому) языку. «Язык и мышление», 1933, № 1, стр. 132.

¹⁵ В. А. Аврорин. Указ. соч., О. И. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958, стр. 68—69; О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Л., 1953, стр. 71; О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 71—72; В. Д. Колесникова и О. А. Константинова. Негидальский язык. «Языки народов СССР», т. V, стр. 115; А. В. Романова, А. М. Миреева. Указ. соч., стр. 92—93; Т. И. Петрова. Орокский язык. «Языки народов СССР», т. V, стр. 177; Она же. Нанайско-русский словарь, стр. 180.

¹⁶ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 193.

на прилагательные, что и дало повод считать рассматриваемый суффикс суффиксом, образующим от основ имен существительных имена прилагательные. Однако нетрудно заметить, что имена существительные с суффиксом формы обладания, выступая в предложении в функции определения, резко отличаются от прилагательных, выступающих в той же функции. Как отмечает большинство специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам, существительные в форме обладания чаще всего помещаются после определяемого, в то время как обычно определения предшествуют определяемому. Кроме того, определения, выраженные существительными в форме обладания, довольно часто имеют при себе определения, выраженные числительными, наречиями и прилагательными. Близость синтаксических функций послужила причиной того, что некоторые существительные в форме обладания перешли в разряд качественных прилагательных, к числу которых В. А. Аврорин относит в нанайском языке: *мурунку* 'умный', *арганку* 'хитрый'; *делэнку* 'обманчивый, склонный обманывать'; *аяктаку* 'сердитый, злой'; *туйнкурку* 'подвижный, живой, быстрый в движениях'; *дурунку* 'красивый, видный, статный'; *кусунку* 'сильный'; *кэсикку* 'счастливый'; *гэбуку* 'уважаемый, почетный, авторитетный'; *асику* 'женатый'; *эдику* 'замужняя', *пиктэку* 'детный, имеющий детей'¹⁷.

Групушу адекватировавшихся существительных, оформленных суффиксом формы обладания, отмечает в орокском языке Т. И. Петрова: *мурулла* 'умный, сознательный, серьезный'; *улауаллу* 'оленный'; *асилу* — 'женатый' — эти слова «выражают признак предмета без представления о предмете обладания»¹⁸.

Аналогичные прилагательные отмечают исследователи эвенкийского языка: *орочи* 'оленный', *дяличи* 'умный', *асичи* 'женатый'¹⁹.

В случае адеквативации указанных существительных они, выступая в качестве определения, как правило, предшествуют определяемому. Иначе говоря, адеквативруясь, эти существительные утрачивают отличия в своих синтаксических особенностях от остальных разрядов прилагательных, выступающих в функции определения.

¹⁷ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 192—193.

¹⁸ Т. И. Петрова. Язык ороков, стр. 57.

¹⁹ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 72.

При окказиональной субстантивации названных прилагательных суффикс косвенной принадлежности, как и следовало ожидать, помещается после суффикса формы обладания, который в этом случае является словообразовательным формантом, например: нан. *Ми мурункунуци еэсруру!* 'Умница моя, лей, лей!' [28]; орок. *Си асилуцуци иландо апаицулу* 'Твой женатый тридцати лет'²⁰ [71].

Ничего общего не имеет суффикс формы обладания и с надежными показателями, хотя бы потому, что имена существительные с суффиксом формы обладания сами могут изменяться по падежам: нан. *Боатонго дуэнтэвэ миочанкоди пулсини* 'Охотник по тайге с ружьем ходит'; *Огдану талгала койтоликоди энэйни* 'Лодка наша по водному простору с парусом идет'; *Ми си огдаковаси сарачимбитани...* 'Ведь я не знал, что ты с лодкой'; *Нёани миочанкодои тул-тул гасаса миочаландами пулсихэни* 'Он когда был с ружьем, постоянно уток стрелять ходил' [2]. Как уже упоминалось, при сочетании в составе одного слова суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания это слово может быть не оформлено притяжательными суффиксами, что чаще всего и бывает: эвенк. *Гурумилла уллидэви, кэтэ осаңичи бинэ, энинин ичэн* 'Вошла мать с ворохом заготовок для пошивки камусов' [51]; *Егорка, дяндыгин анганингичи-да хуркэкэн бинэ, мэньгичи пэқтырэвучи бичэн* 'Егорка, будучи мальчиком 14 лет, имел свое ружье' [49]; *Эр-кэ мэнтэри будэрэи шэңүңичий бид'инэн* 'Днем своей смерти сам распоряжается' [63]; эвен. 38 *анганангалкан биникэн, мапча бисин* '38 лет будучи, был убит' [67]; ульч. *Min agbi sugdata-ugisi žižihəni* 'Мой старший брат с добытой рыбой возвратился'; нан. *Гормахонгоку най ихэни* 'Человек с зайцем вошел'; *Соликангоку най фокусова эрдэлэхэни* 'Человек с лисой показывал фокусы'; *Боатонго гасангосалку шоктола дуэрэхэни* 'Охотник с утками шел по дороге' [3]; *Нижегородскай мапа нгаладои даи монгоку пурэн мапавани дюддиэнди дяпачайни* 'Нижегородский мужик с большим колом в руках держит на цепи медведя' [25]; *Дуня чайнгоку дидюхэни* 'Пришла Дуня с чаем' [5]; орок. *Ча хотонду эдэн гйдажи паталаңулу битчини* 'В том городе царь, имеющий единственную дочь, жил'; *Чомжику эдэн паталуңуни йхэни-тэни гйда нарижи мапаңулу* 'Вдруг входит дочь вождя со своим мужем'; *Тэң гэда žин*

ананицулу курбу, гѣда вагај нами ана битчини 'Только оленя четырех лет, самца, да самки не было' [71]; ороц. *Экицики хусэ хитэ цэйхэни жкты* 'Брат с сестрой возвратился домой'; *Аса уктэцики* 'Женщина с мясом'; *Мунты мапача аякта мамачаңики эмэхэни* 'К нам приехал старик со злой старухой' [4]; удэг. *Абде^h аңихи ба^hата, согиоңихи адиуа мунэвэ хокто ки^hалиани ба^hаси^hаты* 'Мальчик с листьями и девочка с травой встретили нас около дороги'; *Улэ^hэңихи анта эмэү^hэни зүгдытыури* 'Женщина с мясом пришла домой' [4].

В эвенкийском языке, кроме суффикса формы обладания *-чи*, имеются и другие показатели с тем же значением и аналогичным употреблением. К их числу относятся суфф.: *-тай / -тэй / -той*, *-лкан / -лкан / -лкон* и *-лан / -лэн / -лон*, например: *Чипича цэлэлэн, диктэкэңитэй дэгиллэн*. Аги дякадун диктэкэңитэй доран (досл.) 'Птичка испугалась, с ягодой улетела, на опушке леса с ягодой села' [60]; *Нуңан мэн цетокңилкэн агидук юрэн* 'Со своими цветами она вышла из лесу'; *Муннукаңилкан бэе агидук юрэн* 'Человек с зайцами вышел из лесу' [4]; *Ороктэңлэн гүлэсгдүлэ эмэрэ* 'С сеном приехали в поселок'; *Упкат тугсамалчара мбңлэсэл* 'Все побежали с палками' [75].

В эвенском языке в составе одного слова могут сочетаться суффикс косвенной принадлежности и суффикс формы обладания *-пчи* (в некоторых диалектах *-пчуи*), который указывает на обладание большим количеством предметов. Как и суфф. *-лкан / -лэн*, он относится к числу морфем релятивного формообразования и в составе слова всегда следует после показателя косвенной принадлежности, например: *улукингэпчи буюсэмнэ* 'охотник, у которого много белок'; *оланганчи бэй* 'человек, у которого много рыбы'; *мунрукангэпчи этыкэн* 'старик, у которого много зайцев'.

Отсутствие притяжательных формантов в этих примерах объясняется синтаксической ролью существительного имеющего такую комбинированную форму, при которой если оно служит определением, то субъектом обладания может быть только определяемое, если же оно служит обстоятельством, то субъектом обладания является субъект действия. Уже сам порядок слов не допускает сомнения в отношении того, какому другому слову подчинено данное слово. Поэтому надобность в притяжательном оформ-

лении, устанавливающим зависимость между словами, отпадает.

Следует отметить, что существительные с суффиксом формы обладания при необходимости могут, как и всякое другое существительное, иметь при себе качественные или количественные определения, что является лишним свидетельством того, что формы с суффиксом обладания не могут быть относимы к разряду имен прилагательных, которые таких определений при себе иметь не могут. Примеры с количественными определениями: эвенк. *Гурумила уллидэви, кэтэ осаңичи бинэ, энинин ичэн* 'Вошла мать со многими заготовками для пошивки камусов' [51]; эвен. 38 *Ангангалкан биникэн, мапача бисин* '38 лет будучи, был убит'; *Умэн бэй, хусчакач тэтутты этыкэмкэр, бадун, елань улукингэлкэн* 'Один человек, одетый в ровдужную куртку старик, верхом подъехал, с тремя белками' [68]; орок. *Ча хотонду эдэн гйдази паталацулу битчини* 'В том городе царь с единственной дочкой жил' [71]. Примеры с качественными определениями: нан. *Нижегородский мапа нгаладои даи монгоку...* 'Нижегородский мужик с большой палкой в руках...' [25]; ороц. *Мунты мапача аякта мамачаңики эмэхэни* 'К нам приехал старик со злой старухой' [4].

В нанайском языке существительное в форме косвенного обладания способно получать оформление личнопрытяжательными формантами. Для других рассматриваемых языков сочетание суффикса формы обладания и лично-притяжательного форманта, по имеющимся у нас данным, является недопустимым. Притяжательное оформление существительных в форме косвенного обладания происходит в нанайском языке в тех случаях, когда они служат в предложении простыми именными сказуемыми. Притяжательные суффиксы в этом случае имеют характер предикативных показателей²⁰. *Ми бэгдингукуи, си дилингокочи, гэ дюэцигуэри!* 'У меня есть ноги, у тебя есть голова, давай меняться!'; *Буэ эгди согдатангокопу!* 'У нас есть много рыбы!'; *Нёанчи парпин уликсэнгукучи, буэ зомангокопу!* 'У них есть свежее мясо, у нас есть мозговые кости'; *Си пангокочи, мападу буру!* 'У тебя есть печень, дай старику!'; *Бэгдингукуси?* 'У тебя есть ноги?'; *Нёанчи эгди хабдатангокочи* 'У них есть много листьев'

²⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 192.

[3]; *Си мамангокоси* 'У тебя есть жена' [37]; *Мэнэ-мэнэ депуриnguкусу* [27].

Но если существительное в форме косвенного обладания входит в составное именовое сказуемое, то лицо субъекта обладания отражается в личной форме вспомогательного глагольного слова, существительное же в этом случае притяжательным формантом не оформляется и завершается суффиксом формы обладания, например: *Ми дилингоко бичэи* 'У меня была голова (имеется в виду не моя собственная голова)'; *Си дилингоко бичэси* 'У тебя была голова'; *Нёани дилингоко бичэ* 'У него была голова'; *Буэ дилингоко бичэну* 'У нас была голова'; *Суэ дилингоко бичэсу* 'У вас была голова'; *Нёанчи дилингоко бичэл* 'У них была голова' [3].

Способны выступать в функции простого именового сказуемого существительные в форме косвенного обладания и в остальных рассматриваемых языках, но в этом случае они притяжательного оформления не получают: эвенк. *Би утэвэ зан анцаницичи* (анцанилкап) 'Моему сыну 10 лет (букв. Мой сын — десятилетний)'; *Минци аким хэлэцисэ* 'Мой старший брат имеет ружье' [58]; орок. *Боюнуни тунда ананицуллу* 'Медведь (его) был пяти лет' [71]. В этих же языках, в отличие от нанайского, существительные могут выступать в функции простого именового сказуемого и без суффикса формы обладания, в подобном случае эти существительные оформляются притяжательными суффиксами: эвенк. *Би егин анцанициэ* 'Мне девять лет'; *Минци егин дылйчи кулйнциэ* 'У меня есть девятиголовый змей' [63]; орок. *Эккэл-дэ-бимэри-маңацулчи* 'Будучи женщинами, они — богатыри'; *Нарисал тундатуңаса пурэсэл, нарил маңацулчи* 'Люди, все пятеро, молодые, богатыри' [71].

Если существительное в форме косвенного обладания входит в составное именовое сказуемое, то оно, так же как и в нанайском языке, притяжательного оформления не получает и лицо субъекта обладания отражается в личной форме глагола: эвенк. *Нуцан накитаңичи бичэн* 'У него был медведь' [4]; *Туги тунга ангангичи бингэсиви, нунган умнэ экингииви линейкаван капутчан* 'В возрасте пяти лет он сломал однажды у старшей сестры линейку'; *Надан-дянкун ангангичи бингэсин, Володяни аяврин стихин бичэн «Дяданг икэнин»* 'Когда Володе было лет семь-восемь, его любимым стихотворением была «Песнь

бобыля» [52]; орок. *Нёчи Заңгецулу битчичи* 'У них был начальник' [71].

Суффикс косвенной принадлежности сочетается также с формой необладания и выражается, в отличие от последней, аналитически, с помощью имени отрицания: эвенк. *-ачин*, эвен. *-ач*, негид. *-ачин*, нан. *-ана*, улч. *-ана*, орок. *-ана*, орок. *-ана*, удэг. *-анчи*.

Особенности употребления существительных, оформленных суффиксом косвенной принадлежности, и отрицательного слова во многом совпадают с употреблением существительных, оформленных суффиксом косвенной принадлежности с суффиксом положительной формы обладания. Так, если в рассказывании субъект действия и субъект отрицательного обладания совпадают, то существительное, обозначающее предмет отрицательного обладания, лично-притяжательным формантом в этом случае не оформляется: эвенк. *Сэвэки инэгиндун хакиңъя ачир эмэптэв* 'К празднику мы остались без печени'; *Аси уллэңъе ачин агила нэжэрэн* 'Женщина без мяса пошла в тайгу'; *Нуцан сэгбуңъе ачин мучурэн* 'Он вернулся без соболя'; *Би акинми мучурэн долави уллэңъе ачин* 'Мой старший брат возвратился домой без мяса' [4]; нан. *Киранго ана миочалами хони-да ачаси* 'Без кремня невозможно стрелять' [10]; *Нучи нурилби молокоңго ана хони бигилэйчи* 'Как проживут малые дети без молока' [19]; *Туй Иваныч замачанго-да ана дэрдигухэни* 'Так Иваныч (кличка kota) ни с чем и остался' [28]; *Чачаканго ана эди мочогора* 'Без цветов не возвращайся' [48]; орок. *Нони дукутакки ичугани бэгдиңулэ ана* 'Домой он вернулся без ног'; орок. *Они битэ улиңи ана багдыяпи* 'Как мы будем жить без реки'; удэг. *Бу ни^аңи (ла анги буа хуэндуни бисэму* 'Мы были в тайге без шкуры' [4]. Из примеров видно, что в рассмотренных языках (исключая нанайский и орокский), имя существительное, сочетающееся с именем отрицания, в служебной функции (в удэгейском языке факкультативно) получает дополнительное оформление суффиксами: эвенк. *-ја / -јэ / -јо*, эвен. *-ла / -лэ / -ло*, *-на / -нэ / -но*, негид. *-ла / -лэ / -ло*, орок. *-ла / -лэ*, удэг. *-ла / -лэ*.

Следует сделать оговорку, что здесь мы будем вести речь специально о тех случаях, когда интересующий нас суффикс употребляется в аналитических формах необладания, считая эти случаи принципиально отличными от других употреблений аналогично звучащего суффикса.

Рассматриваемые суффиксы в эвенкийском языке О. А. Константинова определяет как «суффиксы, выражающие соединение, сопричастность предметов, названия которых объединяются как в положительной форме совместности, так и в отрицательной форме необладания»²¹ и считает возможным отнесение этих суффиксов к числу формантов, сообщающих слову собирательное значение. Подобную же точку зрения разделяет В. Д. Колесникова, которая сообщает, что «имя отрицания *äчин* сочетается с именем существительным, оформленным суфф. *-я ∞ ∞ -а, -е ∞ -э*, выражающим сопричастность, совокупность предметов»²². Другие исследователи эвенкийского языка рассматривают интересующий нас формант как показатель винительного неопределенного падежа²³. Исследователи эвенского, пегидальского, орокского и удэгейского языков аналогичные форманты выделяют без какой-либо их грамматической интерпретации²⁴.

Трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой интересующий нас суффикс относится к числу собирательных формантов. Когда в эвенкийском языке суфф. *-ja / -jə / -jo* оформляет существительное при наличии отрицательного служебного слова *äчин*, последнее управляет связанным с ним существительным. Грамматическим выражением управления, как известно, является форма косвенного падежа, обусловленная лексико-грамматическим значением другого слова, в данном случае отрицательного служебного слова.

Нельзя согласиться и с утверждением О. А. Константиновой о том, что рассматриваемый суффикс эвенкийского языка «может быть сопоставлен с суфф. *-я ∞ -а* имен существительных при обозначении сопричастности совокупности предметов», например: *Пачэкия* 'Пачэки и его родственники, домочадцы; Пачэки и его товарищи'; *Корчагина* 'Корчагин и его родственники; Корчагин и

²¹ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 78.

²² В. Д. Колесникова. Синтаксис эвенкийского языка. М.—Л. «Наука», 1966, стр. 36—37.

²³ В. А. Горцевская. Указ. соч., стр. 106; О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Указ. соч., стр. 82; Г. М. Василевич. Эвенкорусский словарь. М., 1958, стр. 799.

²⁴ В. И. Цинциус. Указ. соч., стр. 111; В. Д. Колесникова, О. А. Константинова. Пегидальский язык. «Языки народов СССР», т. V, стр. 115; Т. П. Петрова. Язык ороков, стр. 57; В. И. Левин. Указ. соч., стр. 140.

его товарищи»²⁵. Грамматический и семантический анализ существительных, оформленных этим формантом, убеждает в том, что здесь мы имеем дело с грамматической омонимией. Во-первых, различна морфологическая природа этих формантов. Если первый из них является суффиксом релятивного формообразования, т. е. скорее всего показателем винительного неопределенного падежа, то второй относится к числу суффиксов деривативного или смешанного формообразования, иначе, является показателем категории собирательной множественности. Об этом свидетельствуют синтаксические связи существительных, оформленных суфф. *-ja / -jə / -jo* в двух интересующих нас случаях: *Нуцан сэгэбуцэ äчин мучурэн* 'Он вернулся без соболя' и *Пачэкия мучурэ* 'Домочадцы Пачэки вернулись'. В первом случае суфф. *-jə(e)* связывает оформленное им слово только со стоящим после него служебным словом *äчин* (других функций у него нет; он ничего не меняет в содержании оформленного им слова). Во втором случае он не выражает связи между словами, так как приведенное предложение в синтаксическом отношении идентично предложению: *Пачэкия мучурэн* 'Пачэки вернулся', но вносит особую категорию множественности в содержание оформленного слова, поскольку один Пачэки не равен Пачэки + его домочадцы, как и Пачэкия не равно сумме нескольких Пачэки. Естественно, что во втором случае категория множественности слова Пачэкия отражается в числе сказуемого (*не мучурэн* 'вернулся', а *мучурэ* 'вернулись'). О том же говорят и следующие примеры: *Утыская наува сурункэнэ* 'Утыска и его родственники выгнали хвастуна'; *Марковья ороктоңилээр косинасина* 'Марковы поехали косить свое сено'; *Кочергина хэрэкэлэ городтула сурурэ* 'Кочергины уехали в другой город' [75].

В эвенкийском языке отрицательное служебное слово *äчин* управляет винительным неопределенным падежом, в других рассматриваемых языках оно управляет местным падежом, поскольку в этих языках винительный неопределенный падеж или отсутствует вообще, или ему свойственны другие функции (пегидальский). Таким образом, рассматриваемый суффикс относится к числу морфем релятивного формообразования и не может быть отнесен к

²⁵ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 77.

числу морфем основообразования. В составе слова морфемы релятивного формообразования следуют после суффикса косвенной принадлежности, относящегося к числу словоизменительных морфем. Впрочем, суффиксы эти можно и не связывать с выражением падежных значений. Их можно считать лежащими где-то за пределами склонения. Но, очевидно, и об этом свидетельствуют все приведенные примеры, что их грамматическое назначение — выражать связь между словами, в данном случае — связь между существительным и словом отрицательного значения.

Как уже упоминалось, если в предложении субъект действия и субъект отрицательного обладания совпадают, то существительное, обозначающее объект отрицательного обладания, оформления притяжательными формантами не получает. Но если в высказывании субъект действия и субъект отрицательного обладания не совпадают, то существительное, обозначающее объект отрицательного обладания, требует притяжательного оформления, чем и разграничиваются эти два разных случая, например: эвенк. *Би накитаңив аңиндун нуңанман си этэнни кеира* 'Без моего медведя ты с ним не справишься' [1]; нан. *Си мурчиси, ми си сингэрэнгуси ана биури дя-ну, хай?* 'Ты думаешь, легко мне жить без твоих мышей?' [33]; *Си хлебэнгуси ана(ни) осини, буэ будепу* 'Без твоего хлеба мы умрем'; *Ми уликсэнгуи ана (ни)суэ чолomba пурэсису* 'Без моего мяса вы супа не сварите'; *Суэ талангосу ана(ни) бичин осини, свадъбаду оркин бимчэ* 'Без вашей талы на свадьбе было бы плохо' [3]; орок. *Бу насаңиму ана хувэнтэ эди нэнэјэ* 'Без нашей шкуры в лес не ходи'; *Нуңаты би уктэңиви ана котлетава охоты* 'Они приготовили котлеты без моего мяса'; *Бу лалава икохому нуңаты умуксэңиты ана* 'Мы сварили кашу без их жира'; *Нунңаты су суэзасаңиси ана эд'эты мутэјэ* 'Без твоей рыбы они не обойдутся' [1]; удэг. *Би нэни'эми су тукчаңи(ла)у анчи(ди)* 'Я уехал без ваших зайцев'; *Бу нуаты улэ'эңи(лэ)ты анчи(ди) ээңэу гулиңэ* 'Без их мяса мы не поедем'; *Бу су олохиңи(лэ)у анчи(ди) зугдытыуи нэни зэңэу* 'Мы уедем домой без ваших белок'; *Олоктојэу олова би суэза'аңи(ла)и анчи(ди)* 'Варите уху без моей рыбы' [1].

Из примеров видно, что характер синтаксической связи между существительным, обозначающим отрицатель-

ный объект обладания, и отрицательной частицей в рассматриваемых языках неодинаков. В эвенкийском мы наблюдаем отражение, осуществляемое с помощью личнопредикательных формантов, оформляющих отрицательную частицу и отражающих лица и число существительного, обозначающего объект отрицательного обладания. Это существительное при несовпадении субъектов действия и обладания также оформляется притяжательными суффиксами, указывающими на лицо и число субъекта обладания. Этот же вид синтаксической связи, отражение, наблюдается и в нанайском языке, где отрицательная частица также оформляется притяжательными формантами, но подобное оформление в данном случае уже факультативно. Его факультативность объясняется, вероятно, тем, что имеющий здесь место вид синтаксической связи, отражение, предполагает отношение между самостоятельными, полнозначными синтаксическими единицами. В рассматриваемых же сочетаниях, как уже говорилось, имя отрицания употребляется в служебной роли — в качестве отрицательной частицы. Видимо, это обстоятельство и обусловило необходимость оформления отрицательной частицы притяжательными суффиксами. Пет такого оформления в ороческом и орокеском языках. В удгейском мы находим другой вид синтаксической связи между существительным, обозначающим объект отрицательного обладания и отрицательной частицей — управление, грамматическим выражением которого является оформление существительного показателем местн. падежа, но подобное оформление также факультативно, что указывает на нахождение в данном языке частицы отрицательной частицы на грани утраты былого лексико-грамматического значения, а следовательно, и способности управления, зависящим компонентом словосочетания. Дополнительным свидетельством тому является и факультативность оформления отрицательного служебного слова суффиксом твор. падежа, являющегося грамматическим выражением синтаксических отношений между отрицательным служебным словом и управляющим глагольным словом.

Иное грамматическое оформление наблюдается в нанайском языке при употреблении существительного, обозначающего объект отрицательного обладания, в функции сказуемого. Так, если существительное, оформленное суффиксом косвенной принадлежности в сочетании с отри-

цательной частицей *ана*, служит в предложении простым именным сказуемым, то притяжательные суффиксы оформляют отрицательное слово-частицу: *Буэ уликсэнгу анапу, тотамари хайва-да эчиэ пуорэпу* 'У нас нет мяса, поэтому мы ничего не сварили'; *Ми согдатанго анаи* 'У меня нет рыбы'; *Си бэгдингу анаси* 'У тебя нет ноги' [3].

Следует отметить, что при подлежащих первых двух лиц обоих чисел оформление отрицательной частицы притяжательными суффиксами обязательно, если же подлежащие относятся к третьему лицу обоих чисел, то подобное оформление факультативно: *Тзи эктэ мананго ана (ни)* 'У той женщины нет мужа'; *Нёани гасанго ана (ни)* 'У него нет утки'; *Нёани мананго ана (чи)* 'У них нет медведя' [3].

Факультативность в употреблении притяжательных суффиксов третьих лиц служит подтверждением концепции В. А. Аврорина о предикативном характере притяжательных суффиксов, оформляющих существительное в функции сказуемых. Ведь и глагольные слова также необязательно получают оформление личными суффиксами третьих лиц, чаще выражая их нулевыми формами.

Если же существительное в форме косвенного обладания входит в составное именное сказуемое, то отрицательное служебное слово притяжательными суффиксами не оформляется, и в этом случае лицо и число или только число субъекта обладания отражается в форме глагольного компонента сказуемого, например: *Буэ уликсэнгу ана бимэри, хайва-да эчиэ пуорэпу* 'Так как у нас не было мяса (букв.: мы без мяса будучи), мы ничего не сварили'; *Негни суэ уликсэнгу-дэ, согдатанго-да ана осидясу* 'К весне вы останетесь и без рыбы, и без мяса'; *Нёани гасанго ана бими энэсини* 'Поскольку у него нет утки (букв. без утки будучи), он не хочет уезжать'; *Суэ уликсэнгу ана осини, согдатанговари бурусу* 'Если у вас нет мяса (букв. вы без мяса), то дайте рыбы'; *Нёани гасанго ана бичини* 'У него не было утки (букв.: он был без утки)' [3].

Кроме отрицательной частицы *ана*, выражающей отрицание обладания предметом, в нанайском языке в аналогичной функции может выступать также слово *аба*, которое выражает отрицание наличия предмета и может выступать в предложении в функции самостоятельного сказуемого, не входя в состав аналитической формы. В этом случае притяжательные суффиксы оформляют

существительное, обозначающее предмет, наличие которого отрицается: *Нёани дилингони аба* 'У него нет головы (принадлежащая ему чья-то голова отсутствует); *Тотара мама соликангои ичэндэгуми негухэни, соликангои-тани аба* 'Тогда старуха вышла посмотреть на лицену, а лицену-то (ее) и нет' [22].

В ороческом языке в функции сказуемого употребляется слово *маки* 'нет'. Его употребление во многом сходно с употреблением нанайского слова *аба*. Как и в нанайском языке, притяжательные суффиксы при употреблении этого слова в функции сказуемого оформляют существительное, обозначающее предмет, наличие которого отрицается, например: *ороч. Ти бёктоцо асани гилэмицини маки зёгедё* 'Нивха, с которым живет его жена (ее нивха), дома нет'; *Зэуцити-бэ маки* 'И пицци у них нет' [70].

В ульчском языке в такой же функции выступает слово *кэвэ*, например: *Sulygun-da kwe* 'А ее, лисы-то и нет' [73]. Наконец, в эвенкийском языке в функции именного сказуемого может выступать слово *ачин*, при этом существительное, обозначающее объект отрицательного обладания, является подлежащим и получает оформление притяжательными формантами; не изменяется оформление этого существительного и в случае, если слово *ачин* входит в составное глагольное сказуемое в качестве его именной части, например: *Колобэцилив ачир* 'У меня нет хлеба' (букв.: Хлеб (мой) отсутствует) [63]; *Д'улави иснав, атир-кайце ачин* 'Когда пришел домой, жены (моей) нет (букв.: жена (моя) отсутствует)' [62]; *кирэнгини ачин* 'у него нет времени (букв.: время отсутствует)' [40]; *Ичэрэн — сулакцинда ачин* 'Смотрит — а лисы (его) нет' (букв.: лиса (его) отсутствует) [59]; *Личнай делонгин ачин бичэн* 'Личного дела не было (букв.: личное дело отсутствовало)' [46].

В нанайском, ороческом, ороческом и удэгейском языках существительные, оформленные суффиксом косвенной принадлежности, сочетающимся с суффиксом формы совместности, притяжательное оформление не получают. Отсутствие в этом случае притяжательных формантов объясняется тем, что существительные с этим суффиксом, как правило, обозначают пару совместно действующих лиц, и зависимость их друг от друга предполагается самой формой совместности: нан. *Ботамди эктэнгу-мулиэ онила энэхэчи* 'Рыбак с женщиной ехали по реке';

Ми амимби пиктэнгумулиэ димахани 'Мой отец с ребенком приехал в гости'; *Наондёкан паталангомолла гириала пулсихэчи* 'Парень с девушкой гуляли в лесу' [3]; орок. *Тари нари анкатчичи ча боюцумуна* 'Пу тот человек с тем медведем и залег спать'; *Муты синдауачи мапа аякта мапанумуна* 'К нам приехал старик со злой старухой'; *Муты агби мапанумуна нимэриүэчи* 'К нам в гости приехал брат с женой' [1]; удэг. *Анта ба^аатаңимула илактани^аани мунтууу* 'Женщина с сыном вышла к нам' [1].

В нанайском языке отмечен фонетический вариант суффикса совместности, который имеет вид *-лиа/-лиэ*: *Эм мапачан маманголлиа балдихачи* 'Жили старичок со старушкой' [25]. Однако сфера употребления этого варианта суффикса очень ограничена и обусловлена, по всей вероятности, фонетической структурой отдельного слова.

Некоторые исследователи склонны рассматривать суффикс формы совместности среди основообразующих формантов. Так, В. А. Аврорин относит его к числу форм деривативного формообразования, то есть форм, не изменяющих «основного лексического значения слова», а лишь придающих ему «дополнительные оттенки»²⁶.

По нашему мнению, суффикс формы совместности правильнее было бы рассматривать среди формантов релятивного формообразования, которые передают зависимые грамматические значения. Этот вывод напрашивается уже хотя бы потому, что в составе слова суффиксу формы совместности могут предшествовать другие суффиксы смешанного формообразования (тот же суффикс косвенной принадлежности), что было бы невозможно, если бы он действительно принадлежал к числу деривативных и вообще любых основообразующих суффиксов.

Интересно отметить, что в нанайском языке в некоторых случаях значение суффикса косвенной принадлежности смыкается со значением суффикса формы контрастности *-диа/-диэ*, например: *Тэи мэргэн исиочини, бундиэ мэргэн нихоранкини* 'Когда тот герой подошел, наш герой поклонился' *Бундиэ наондёкан долбо сэнэрэ, долдихани* 'Наш мальчик, ночью проснувшись, услышал' [2]; *Бундиэ пудин дякангои ичуэнкини* 'Наша красавица показывала свои вещи'. В этих примерах личные местоимения 1-го лица мн. числа, оформленные суффиксом контраст-

ности, имеют выделительно-уточнительное значение, которое в подобном же контексте имеет и суффикс косвенной принадлежности у связанного с местоимением существительного, вытесняющий на второй план свое основное значение — условный характер принадлежности. Иначе говоря, в подобных употреблении суффикс косвенной принадлежности сообщает оформляемому существительному выделительное значение, сохраняя в какой-то степени и значение условной принадлежности: *Буэ мэргэнгуну тавава иванда, уликэнгуну силохани* 'Наш герой огонь разжег, изжарил на вертеле свое мясо'; *Буэ наондёкангопунтой монговани исихани* 'Наш мальчик дошел до того дерева (его)'; *Буэ пудингуну сиунгуну тэлэгчичэни, пуючэни* [2].

В литературе по тунгусо-маньчжурским языкам отмечалось, что существительные в косвенной притяжательной форме имеют только притяжательное значение и не могут выступать в предикативной функции. О. П. Суник, например, утверждает, что формы «отчуждаемой принадлежности сложились как специально притяжательные, всегда четко выражающие только отношения принадлежности (в том числе и собственности), независимо, однако, от ее характера и формы»²⁷.

Более того, О. П. Суник считает, что грамматическая форма косвенной принадлежности возникла и развилась именно для того, чтобы дифференцировать отношения атрибутивно-притяжательные от предикативных, «...думать же, что различие в этих двух выражениях (*ми моримби, ми морингои*) обусловлено или как-то связано в настоящем или прошлом с передачей двух якобы различных форм обладания, принадлежности, собственности, значит идти по пути марровской, вульгарно-материалистической трактовки фактов языка, извращать их реальное значение, их подлинную грамматическую природу. Формы ряда так называемой «отчуждаемой» принадлежности резко отличаются от «неотчуждаемых» и некоторых других атрибутивно-притяжательных образований тем, — продолжает О. П. Суник, — что они всегда и при всех обстоятельствах выражают в грамматическом плане отношения атрибутивно-притяжательные»²⁸. И О. П. Суник прихо-

²⁶ В. А. Аврорин. Указ. соч.

²⁷ О. П. Суник. Из истории грамматического строя..., стр. 135.

²⁸ Там же, стр. 130

дит к выводу, что «...одним из наиболее употребительных, должно быть, достаточно древних и наиболее «радикальных» способов, устраняющих двузначность интересующих нас конструкций (атрибутивно-притяжательных и предикативных. — В. В.) и выступает форма «отчуждаемой принадлежности», характеризующаяся суфф. *-ngoi-ngu*»²⁹.

На то, что «косвенная притяжательная форма всегда имеет только одно значение — притяжательное», указывает и В. А. Аврорин³⁰.

Действительно, существительное, оформленное суффиксом косвенной принадлежности в сочетании с притяжательным формантом, в нанайском языке всегда в той или иной степени имеет притяжательное значение и ни в коем случае не может предикативно отождествляться с субъектом обладания, например: *ми энгурнгуи* 'мой волк'; *си согдатангоси* 'твоя рыба'; *нэани солинони* 'его лиса'; *суэ гормахонгосу* 'ваш заяц'. Те же существительные, оформленные притяжательным формантом вне сочетания с суффиксом косвенной принадлежности, имеют не притяжательное, а только предикативное значение: *Ми энгурби* 'я волк'; *си согдатаси* 'ты рыба'; *нэани солини* 'он (она) лиса'; *суэ гормахонсу* 'вы зайцы'. Правда, иногда семантические особенности и первого, и второго членов притяжательного словосочетания в их соотношении допускают возможность в прямой форме приобретать как притяжательное, так и предикативное значение, например: *ми мапани* может значить 'мой старик (муж)' и 'я старик'; *суэ найсу* — 'ваши люди, вы люди' и т. п. Как пишет В. А. Аврорин, в этом случае разграничение предикативных и притяжательных конструкций «зависит от окружающего контекста, от ситуации, от соотношения категориальной или вещественной семантики обоих членов притяжательного словосочетания»³¹. Эти же существительные в косвенной притяжательной форме могут иметь только притяжательное значение, например: *ми мапангон* 'мой старик'; *суэ найнгосу* 'ваши люди'.

На первый взгляд кажется, что единственной функцией суффикса формы косвенной принадлежности в приведенных примерах является устранение возможности понимания притяжательного словосочетания как предикативного.

Как отмечает В. А. Аврорин, «ее роль как своего рода предохранителя от предикативности так резко бросается в глаза, что порой заслоняет основное и исходное значение — значение косвенной принадлежности»³². Следует особо подчеркнуть, что в этом случае форма косвенной принадлежности используется главным образом для того, чтобы указать на условную, относительную, косвенную принадлежность предмета субъекту обладания, а притяжательное значение сообщается оформляемому существительному лишь попутно. Устранение двузначности рассматриваемых конструкций далеко не всегда достигается лишь оформлением соответствующего существительного косвенно-притяжательными формантами, поскольку существует довольно значительная группа существительных, неспособных получать такое оформление; например, такие выражения, как *ми индаи*, *ми асии*, *ми огдаи* понимаются соответственно 'я собака, моя собака'; 'я женщина, моя женщина' 'я лодка, моя лодка'. Чтобы устранить двусмысленность данных словосочетаний и выразить только предикативное значение, требуются другие грамматические средства, поскольку рассматриваемые существительные не входят в семантические группы слов, способных принимать оформление суффиксом косвенной принадлежности в его исходном значении. В. А. Аврорин пишет, что в нанайском языке «предикативные отношения между именами могут выражаться и чаще всего выражаются другими способами... а притяжательные словосочетания приобретают это значение лишь иногда»³³.

Необходимо сказать, что формы косвенной принадлежности не всегда и не при всех обстоятельствах выражают в грамматическом плане только отношения атрибутивно-притяжательные; эти формы могут выражать, как уже было показано, и предикативные отношения. Так, в нанайском языке существительное, оформленное суффиксом формы обладания (положительной или отрицательной) в сочетании с притяжательным формантом выполняет в предложении функцию сказуемого, независимо от того, оформлено оно суффиксом косвенной принадлежности или не оформлено. В подобном употреблении функция суффикса косвенной принадлежности сводится лишь к то-

²⁹ О. П. Суник. Из истории грамматического строя..., стр. 130.

³⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 160.

³¹ Там же, стр. 159.

³² Там же, стр. 160.

³³ Там же, стр. 159.

му, чтобы указывать на условный, косвенный характер принадлежности: *Си пангокоси* 'У тебя есть печень (добытая тобой)' и *Си панго анаси* 'У тебя нет печени (добытой тобой)'; *Буэ эди согдтангокопу* 'У нас много рыбы (мы имеем много рыбы)' и *Буэ согдтанго анапу* 'У нас нет рыбы (мы не имеем рыбы)'; *Ми бэгдингукуи* 'У меня есть ноги (добытые мной)' и *Ми бэгдингу анаи* 'У меня нет ног (добытых мной)'; *Си дилингокоси* 'У тебя есть голова (добытая тобой)' и *Си дилинго анаси* 'У тебя нет головы (добытой тобой)' [3].

Без суффикса косвенной принадлежности эти существительные не теряют способности выполнять в предложении функцию сказуемого, изменяется лишь характер принадлежности, который в этом случае становится органическим, неотчуждаемым, например: *Си пакоси* 'У тебя есть печень (орган твоего тела)' и *Си па анаси* 'У тебя нет печени (органа твоего тела)'; *Ми бэгдикуи* 'У меня есть ноги (часть моего тела)' и *Ми бэгди анаи* 'У меня нет ног (части моего тела)'; *Си диликоси* 'У тебя есть голова (часть твоего тела)' и *Си дили анаси* 'У тебя нет головы (части твоего тела)' и т. п. Как было установлено, существительное, оформленное суффиксом косвенной принадлежности в составе формы обладания (положительной или отрицательной), может быть частью составного сказуемого: *Суэ гирмаксангоку бичису* 'У вас были кости'; *Нэанчи уликсэнгуку бичил* 'У них было мясо'; *Суэ уликсэнгу-дэ, согдтанго-да ана осидясу* 'Вы останетесь и без рыбы, и без мяса'. В этих примерах роль суффикса косвенной принадлежности та же самая — указывать на неорганический, отчуждаемый, косвенный характер принадлежности. Обладают способностью выступать в функции сказуемого или одного из компонентов составного именного сказуемого и существительные, оформленные суффиксом косвенной принадлежности, в остальных рассматриваемых языках. Причем в этой функции они могут выступать как при включении суффикса косвенной принадлежности в форму обладания, положительную и отрицательную, так и вне ее: эвенк. *Би утэв жан анңаниңичи (анңаниңилкан)* 'Моему сыну десять лет' [1]; *Минңи аким һэлэңи'э* 'Мой старший брат имеет ружье' [58]; *Туннга аннганингичи бингэсиви, Володя тангдави эниндукви алагуван* 'Будучи пятилетним, Володя выучился читать у матери' [52]; *Би бэйңэңялби бихи* 'У меня есть звери' [63]; *Нуцан наки-*

таңичи бичэн 'У него был медведь' [1]; *Уллэңитын аңин бракин, оронмор вачатын* 'Когда не было мяса, они забивали оленя' [63]; эвен. *Надан аннганангу бими, би мэнкэн уликив улмиларэм* 'Будучи семилетним, я начал охотиться на белку' [68]; орок. *Нарисал тундатуңаса пурэсэл, нарил маңаңулучи* 'Люди все пятеро, молодые, богатые'; *Боюңуки тунда ананиңулау* 'Медведь (его) пяти лет'; *Ночи заңеңулу битчичи* 'Они имели начальника' [71]; ульч. *Нагdam бүсирі вэт-дэ, -kocolcu, пүдүт бүсирі, вэт-дэ, -nauktangucy, sakpiγγucy*. 'Голодая, умер, скажем, — он котел имеет, от холода умер, скажем, — он огниво, топор имеет' [73]; ороц. *Аняду хакиңи ана бичиму, 'К празднику у нас печени не было' [1].*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУФФИКСА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследователи тунгусо-маньчжурских языков, занимавшиеся изучением вопроса о происхождении суффикса косвенной принадлежности, пришли к единому мнению о том, что этот формант этимологически тождествен вопросительному местоимению рассматриваемых нами тунгусо-маньчжурских языков. Как отмечает О. П. Суник, «...этимологическое значение суффиксов отчуждаемой (косвенной. — Б. Б.) принадлежности разъясняется из сопоставления их с местоименным словом нанай, ульчи *yí, nguyí*, эвенки, эвен., удэ *ngi, ni*. Значение этого слова более или менее соответствует русскому вопросительному местоимению «кто?»¹. Исследователь считает, что суффикс косвенной принадлежности является «фонетически редуцированной и грамматикализованной формой этого местоименного слова, превратившегося в простую морфему-суффикс»².

Подобную же точку зрения разделяет и О. А. Константинова, указывая на то, что форма косвенной принадлежности «в основном выражает такие отношения между предметами, которые предполагают помимо лица обладателя, обозначаемого притяжательными суффиксами, указание на связь по принадлежности предмета обладания с кем-то третьим, с которым данный предмет представляет органическое целое, что выражается суфф. *-нй̄*»³. Она делает вывод о том, что в эвенкийском языке «суфф. *-нй̄* (в формах относительной принадлежности), по-видимому, этимологически тождествен местоимению *нй̄* «кто?»⁴.

На первый взгляд подобная трактовка вопроса о происхождении суффикса косвенной принадлежности является достаточно убедительной. Об этом свидетельствует и кажущаяся фонетическая близость рассматриваемого суффикса с вопросительным местоимением, и, как считают названные авторы, сходство лексического значения вопросительного местоимения и значения, передаваемые суффиксом косвенной принадлежности.

Более тщательный анализ материала и учет всех значений суффикса косвенной принадлежности дают повод усомниться в достаточной обоснованности гипотезы этих авторов.

Прежде всего следует обратить внимание на фонетическую структуру суффикса косвенной принадлежности и вопросительного местоимения в рассматриваемых нами языках. Наглядное представление об этом можно получить из следующей таблицы:

Таблица 6

	Эвенкийский	Эвенский	Центрально-дальний	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орольский	Удгейский
Вопросительное местоимение	<i>-н'и</i> (<i>н'и</i>)	<i>-н'и</i> ∞ ∞ <i>н'и</i>	<i>-н'и</i> ∞ ∞ <i>ни</i>	<i>ни</i>	<i>-н'и</i> ∞ ∞ <i>ни</i>	<i>-н'и</i> ∞ ∞ <i>ни</i>	<i>-н'и</i>	<i>-н'и</i>
Суффикс косвенной принадлежности	<i>-н</i> (<i>и</i>)	<i>-н'</i>	<i>-н</i> (<i>и</i>)	<i>-нго</i> <i>-ниг</i>	<i>-нгу</i> <i>-ниг</i>	<i>-нч</i>	<i>-н'и</i>	<i>-нч</i> (<i>нч</i>)

Обращает на себя внимание тот факт, что в одних языках (орокский, удгейский) начальные согласные вопросительных местоимений являются переднеязычными, а начальные согласные суффикса косвенной принадлежности — заднеязычными, в других (эвенкийский, центрально-дальний, орокский) согласные местоимения и суффикса совпадают, но и здесь вопросительные местоимения имеют варианты с переднеязычными согласными, в то время как суффикс косвенной принадлежности их не имеет. Наконец, в третьей группе языков (нанайский и ульчский) согласный в вопросительных местоимениях или отсутствует, или имеется лишь в одном из его вариан-

¹ О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 449.

² Там же.

³ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 69.

⁴ Там же.

тов. Таким образом, приходится признать, что во всех рассматриваемых нами языках начальные согласные вопросительного местоимения и суффикса косвенной принадлежности далеко не всегда являются идентичными.

Как уже отмечалось, в эвенкийском, эвенском и негидальском языках суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-н*, а гласный *-и-*, если он присутствует, является соединительным, не входя в состав суффикса, в вопросительном же местоимении он является органической неотъемлемой частью его фонетической структуры.

Обращают на себя внимание и значительные фонетические различия между вопросительным местоимением и суффиксом косвенной принадлежности в нанайском, ульчском и орокском языках, где вопросительное местоимение состоит или завершается дифтонгом *уи*, в то время как в составе суффикса косвенной принадлежности дифтонга нет. Поэтому считать суффикс косвенной принадлежности идентичным вопросительному местоимению на основании их внешнего сходства едва ли можно. Во всяком случае одного этого аргумента недостаточно.

Неубедительны попытки О. П. Суника и О. А. Константиновой отождествить значения вопросительного местоимения и суффикса косвенной принадлежности. Как нам известно, функция суффикса косвенной принадлежности сводится к указанию на то, что предмет обладания не является органической частью объекта обладания. Отсюда следует, что значение суффикса косвенной принадлежности и должно содержать в себе указание на непосредственного обладателя данного предмета. Значение же вопросительного местоимения такого указания в себе не содержит.

Трактую вопрос о происхождении суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках, и О. П. Суник, и О. А. Константинова обращают внимание на то, что пути образования форм косвенной принадлежности в тунгусских языках типологически весьма близки к образованию подобных форм в адыгейском языке. И действительно, типологически между адыгейским и тунгусо-маньчжурским языками в этом отношении можно обнаружить известное сходство. Но если согласиться с гипотезой О. П. Суника и О. А. Константиновой об этимологическом тождестве суффикса косвенной принадлежности и вопросительного местоимения в тунгусо-маньчжур-

ских языках, то данную аналогию нельзя будет назвать ни «весьма близкой», ни тем более «полной», поскольку в адыгейском языке, как на то указывают исследователи, показатель имущественной принадлежности развился из «соответственного префикса **органической принадлежности** путем прибавления к нему префикса 3-го лица ед. числа **имущественной принадлежности** *и* — его», а вовсе не из вопросительного местоимения⁵. Доказывать, что между личным суффиксом 3-го лица ед. числа и рассматриваемым вопросительным местоимением нет полного тождества, не приходится: об этом свидетельствуют их значения и особенности употребления. Допуская, что пути образования форм косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках типологически близки к образованию подобных форм в адыгейском языке, мы все же склонны считать, что основой для образования форм косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках послужило не вопросительное местоимение, а древняя форма личного местоимения 3-го лица ед. числа, форма которого, как полагают Г. И. Рамstedт, восходит к им. п. **i*, основа **in*⁶. Это местоимение в свою очередь было оформлено суффиксом принадлежности, который согласно В. Котвичу и Г. И. Рамstedту восходит к **-ki*, *-gi*⁷.

Таким образом, мы получаем форму личного местоимения 3-го лица ед. числа, оформленную суффиксом принадлежности — **-in-ki* \sim *-in-gi*. Эта форма вследствие ассимиляции могла получить форму **-inji*. И наконец, в результате редукции и начальный, и конечный гласные этой формы могли утратиться, сохранив лишь согласный *-*j*, который и стал выразителем форм косвенной принадлежности в ряде тунгусо-маньчжурских языков. Но при этом следует помнить, что суффикс косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков существенно отличается от суффикса имущественной принадлежности адыгейского языка: в адыгейском языке суффикс имущественной принадлежности употребляется лишь в сочетании

⁵ И. Яковлев, Д. Ашгамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 294.

⁶ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. Перев. с нем. М., 1957, стр. 69.

⁷ В. И. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 417; Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, стр. 206.

с суффиксом органической принадлежности и вычленился из сочетания только посредством этимологического анализа. Суффикс же косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков употребляется как с притяжательными суффиксами, так и без них. Таким образом, выражение типа *нан. си дилингоси* в генетическом плане расшифровывается как 'твоя голова -его -твоя'.

Некоторые исследователи тунгусо-маньчжурских языков считают, что возникновение форм косвенной принадлежности предшествует появлению и развитию форм прямой принадлежности. О. А. Константинова по этому поводу пишет: «Сопоставление форм прямой и косвенной принадлежности в эвенкийском и в других родственных и неродственных ему языках при решении вопроса об историческом пути развития косвенных форм наводит на мысль об их вторичности»⁸. Аналогично предположение высказывает и О. П. Суник: «Нужно признать, что в тунгусо-маньчжурских языках конструкции для выражения неотчуждаемой собственности исторически предшествуют возникновению конструкций, выражающих отчуждаемую принадлежность. В этом убеждает производный характер этих конструкций, осложненных дополнительным притяжательным суфф. *-нг, -нги, -нгу*»⁹.

Очень вероятно, что категория косвенной принадлежности возникла тогда, когда система притяжательных суффиксов уже существовала. Впрочем, не исключено и обратное. Сама постановка вопроса у названных исследователей предполагает наличие неразрывной иерархической связи между притяжением, как более общей категорией, и косвенной принадлежностью, как одной из ее составляющих.

Но это предположение нам кажется бездоказательным, поскольку сопоставление форм прямой и косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках свидетельствует о том, что они выражают в значительной мере автономные грамматические категории и функционирование одной из этих категорий необязательно обусловлено функционированием другой. Следовательно, обосновывать вторичный характер косвенно-притяжательных конструкций на основании одной лишь их морфологической

структуры неправомерно, ведь категория косвенной принадлежности, как уже было показано выше, не является частной категорией притяжательности.

Вопрос же о времени происхождения форм прямой и косвенной принадлежности следует признать открытым. Его разрешение требует дальнейших сравнительно-исторических и типологических исследований.

Нельзя полностью согласиться и с утверждением О. П. Суника о том, что «в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках формами господствующими (универсальными) становятся формы ряда неотчуждаемой принадлежности»¹⁰. Такое явление автор склонен рассматривать как отражение в языке изменений в социальной жизни носителей языка: «Частная собственность... на определенном этапе развития общественных отношений сделала несущественным или малосущественным различие двух видов собственности»¹¹. Действительно, в некоторых случаях, как отмечалось ранее, мы вместо ожидаемой косвенно притяжательной конструкции сталкиваемся с прямой притяжательной конструкцией. Но подобные факты факультативного использования форм косвенной принадлежности крайне редки и обусловлены они иными причинами: семантикой слов, входящих в притяжательную конструкцию и чаще всего со всей очевидностью разъясняющих характер принадлежности, а также предшествующим контекстом или реальной ситуацией. Мы уже не говорим о том, что непосредственное сведение морфологических изменений к изменениям в социально-экономической области является известной данью вульгарному социологизму. Следовательно, говорить о возникновении в тунгусо-маньчжурских языках «единых, универсальных форм выражения пассивности, принадлежности, обладания, собственности»¹² пока не приходится. Подобные случаи факультативного употребления этих форм вполне возможны как на первоначальном этапе развития и употребления этой категории, так и на любом другом, вплоть до настоящего времени.

Противопоставление двух видов принадлежности, прямой и косвенной, характерно не только для тунгусо-маньч-

⁸ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 68.

⁹ О. П. Суник. Указ. соч., стр. 448.

¹⁰ О. П. Суник. Указ. соч., стр. 450.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

журских языков. Оно установлено и в ряде других языков: меланезийских¹³, североамериканских¹⁴, а по свидетельству П. Ф. Яковлева, такое же противопоставление известно и в некоторых языках Центральной Америки¹⁵. Подробно описано аналогичное явление в адыгейском литературном языке¹⁶. В этих языках функции и употребление грамматических форм, выражающих характер принадлежности предмета субъекту обладания, в значительной степени совпадают.

Так, по сообщению Леви Брюля, в меланезийских языках имена делятся на два класса. Первый класс охватывает имена, обозначающие «члены тела, части предмета, предметы, находящиеся в тесной связи с человеком (его оружие, рыболовные сети и т. д.), отношения родства и некоторые предлоги, обозначающие отношения в пространстве. Второй класс обнимает все остальные имена»¹⁷. Принадлежность субъекту обладания предметов первого класса выражается посредством оформления существительных, обозначающих эти предметы соответствующими суффиксами, указывающими на лицо и число субъекта обладания, характер принадлежности в этом случае — органический, прямой. Принадлежность же субъекту обладания предметов второго класса предполагает употребление перед обозначающими их существительными отдельного слова, в состав которого входят те же самые притяжательные суффиксы, а второй компонент этого слова является существительным, обозначающим «нечто принадлежащее чему-либо»¹⁸.

Сравнив лексико-семантические группы имен существительных тунгусо-маньчжурских и меланезийских языков, способных принимать прямое или косвенно-притяжательное оформление, легко убедиться в их значительном сходстве. Во многом сходны и грамматические способы

¹³ L. Levy-Bruhl. L'expression de la possession dans les langues melanesiennes. Mem. d. I. Soc. linguist. Paris, XIX, 1914. Названное исследование подробно изложено в «Грамматике адыгейского литературного языка» Н. Яковлева и Д. Ашхамафа.

¹⁴ C. Uhlenbeck. Het identificerend karakter des possessive flexie in talen, der K. Akademie van Wetenschappen, v. 2, 4. Amsterdam, 1917.

¹⁵ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ L. Levy-Bruhl. Указ. соч., стр. 97.

¹⁸ Там же.

выражения соответствующих категорий. Как в тех, так и в других языках для выражения неорганического (косвенного) характера принадлежности предмета субъекту обладания используется особый грамматический показатель, как в тех, так и в других языках для выражения органического (прямого) характера принадлежности предмета субъекту обладания используются притяжательные суффиксы, оформляющие существительное, которое обозначает этот предмет.

Подобные классы имен существительных, способных принимать различное грамматическое оформление в зависимости от характера принадлежности предмета субъекту обладания, выделяет в индейских языках Северной Америки Уленбек. К классу имен существительных, связанных с объектами неотчуждаемой принадлежности, здесь, как и в тунгусо-маньчжурских языках, относятся слова, обозначающие термины родства, названия частей тела, орудия производства, обувь и т. п. К классу предметов отчуждаемой принадлежности относятся все прочие имена¹⁹.

Из языков Советского Союза, не относящихся к тунгусо-маньчжурским, аналогичные грамматические категории засвидетельствованы и описаны, как уже отмечалось, в адыгейском языке. Здесь также различается два вида принадлежности. К первому, органическому, виду принадлежности «относится принадлежность членов и органов тела — всему организму, частей предмета — целому предмету, а также некоторые отношения родства и некоторые пространственные и временные отношения (начало, конец, верх, низ и др.)»²⁰. Второй вид принадлежности, неорганический, связан с существительными, обозначающими все остальные предметы. В зависимости от вида принадлежности существительные при обозначении предметов обладания получают различное грамматическое оформление.

Следовательно, интересующая нас категория во всех перечисленных языках мало отличается от аналогичной грамматической категории тунгусо-маньчжурских языков: она распространяется на достаточно сходные лексико-се-

¹⁹ Наблюдения Уленбека по интересующему нас вопросу изложены в работе: О. Ш. Суник. «О категории...», стр. 442—443.

²⁰ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч., стр. 292—306.

мантические группы имен существительных и находит в каждом из языков соответствующее грамматическое выражение; во всех языках специальный показатель указывает на неорганический, условный, косвенный характер принадлежности предмета субъекту обладания.

Становление грамматической категории, аналогичной категории косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков, можно отметить и для некоторых групп финно-угорских языков. Особенно ярко выражен этот процесс в мордовских и пермских языках. А. П. Феоктистов, занимавшийся изучением категории притяжательности в мордовских языках, пишет, что «наряду с общим значением принадлежности лично-притяжательных формы... могут выступать и в других, непринадлежностных функциях. Так, лично-притяжательные формы 3-го лица иногда употребляются с указательным значением»²¹. Для иллюстрации этого положения автор приводит целый ряд примеров. «Мокшанские примеры: *Венц пачк ётазь сембе* вирть 'За ночь, букв.: ночь-его, прошли весь лес'; *Вант, времац кодама пси* 'Смотри, время, букв.: время-его, какое жаркое';

Тялонц тядде лямбоста киръдсы 'Зима в этом году теплая, букв.: зиму-его, в этом году тепло держит'; *Пиземоц, кунара ни ашель* 'Дождя уже давно не было, букв.: дождь-его, уже давно не был'. Эрзянские примеры из литературы и фольклора: *Кода чопотець чизэ, тейтересь мери*; *Стяк, азё тетяньень кеестеме!*.. 'После захода солнца, букв.: солнце-его, девушка говорит: «Вставай, иди к моему отцу за поручением»; *Валкес шказо еце ламо...* *Штобу седе шождынестэ тон печтевлик сонэз, на вана тетя... мурдеть сёрманзо...* 'До утра времени, букв.: время-его еще много... Чтобы ты легче провела его, на вот тебе... письмо твоего мужа'; *Мери атясь: Азе венэз пачк эсинь крыльця пестэ эсинь церкуванть видьс тейтё кишнынъ сэдъ...* 'Старик говорит: «Иди за ночь (букв.: в течение ночи-его), от моего крыльца до моей церкви сделай железный мост»; *Чинэз валгомадо мейле молбдяно тов. Прокопыч...* 'После захода солнца, букв.: солнца-его, пойдем туда'; *Чизэ лиснесь, росазо коськенесь, туекинэсь...*

²¹ А. П. Феоктистов. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963, стр. 126.

'Солнце, букв.: солнце-его, вставало выходило, роса, букв.: роса-его, высыхала, уходила»²².

Приведенные выше примеры со всей очевидностью свидетельствуют о том, что, по сути дела, здесь мы наблюдаем выполнение лично-притяжательными суффиксами 3-го лица ед. числа функций, аналогичных некоторым функциям грамматической формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. Как отмечалось ранее, во всех тунгусо-маньчжурских языках форма косвенной принадлежности может использоваться для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он уже был в поле зрения соответствующего лица или был предметом его мысли. Сообщалось также и о том, что при подобном использовании формы косвенной принадлежности вторым членом притяжательной конструкции, обозначающим предмет обладания, может быть любое имя существительное независимо от его лексического значения.

Но все же ставить знак равенства между категорией косвенной принадлежности в ее уточнительно-выделительном употреблении в тунгусо-маньчжурских языках и использованием лично-притяжательных суффиксов 3-го лица ед. числа для подобных же функций в мордовских языках было бы неправильно. Неправильно потому, что в тунгусо-маньчжурских языках существительные, оформленные суффиксом косвенной принадлежности, обычно обозначают реалии, которые предцируются как предметы условного обладания одному субъекту обладания, что выражается оформлением существительного, обозначающего предмет обладания, лично или возвратно-притяжательными формантами, указывающими на лицо и число (личные) или лишь на число (возвратные) субъекта обладания и одновременно — другому субъекту обладания, органическая принадлежность предмета которому выражается суффиксом косвенной принадлежности. В случае же отсутствия притяжательных формантов субъект условного обладания становится известным благодаря другим средствам языка. В мордовских же языках лично-притяжательные суффиксы 3-го лица ед. числа, употребляющиеся в указательном значении, оформляют имена существительные, обозначающие предметы, принадлежность которых

²² Там же.

придичируется только одному субъекту условного обладания, причем обладания в особом смысле слова. Иначе говоря, суффикс 3-го лица ед. числа, оформляя существительное, обозначающее предмет обладания, как и суффикс косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков, указывает на то, что этот предмет уже ранее был объектом мысли или речи данного субъекта и в этом смысле как бы принадлежит ему. Указание на такую условную принадлежность и позволяет уточнительно выделить именно данный предмет из всей массы одноименных предметов.

Таким образом, функции суффикса косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков и притяжательных суффиксов 3-го лица ед. числа (при его употреблении в указательном значении) мордовских языков в определенных случаях совпадают. Но в общей системе грамматики эти категории занимают различные места. Употребление формы косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков предполагает наличие двух субъектов обладания — условного и непосредственного, причем специальный суффикс этой формы сигнализирует о наличии первого из них, тогда как наличие второго сигнализируется или притяжательным формантом, или формантом обладания, или же формантом совместности. В качестве вторичной, несомненно позднее возникшей функции этой формы, можно рассматривать функцию указательного выделения.

В мордовских языках мы находим аналогию лишь одной из этих функций, причем формальное выражение этого грамматического значения мы находим в побочной же функции обычной системы обозначения принадлежности, не знающей разделения на прямую или косвенную.

Об аналогичном употреблении лично-притяжательных суффиксов в коми-пермяцком и в коми-зырянском языках сообщает В. И. Лыткин. По его наблюдениям, в коми-зырянском языке «притяжательно-указательная категория имеет два значения: 1) притяжательное значение, указывающее на принадлежность данного предмета тому или иному лицу, ... 2) указательное значение или значение определенности, показывающее, что этот предмет уже известен говорящим, что о нем уже говорилось раньше, или же указывающее на конкретность предмета (вытекающую из данной ситуации); в этом значении употребляют-

ся формы 2-го и 3-го лица единственного числа...»²³. Подобное же явление отмечает В. И. Лыткин и в коми-пермяцком языке, с той лишь разницей, что в последнем указательное значение выражается лишь с помощью лично-притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа²⁴.

На это же явление в венецком языке обращает внимание Н. М. Терещенко, которая пишет, что «лично-притяжательные показатели 2-го лица служат в ряде случаев для выражения определенности, подчеркивая, что это то самое лицо, или тот самый предмет, о котором идет речь, который известен из предыдущего»²⁵. В том же значении используется также лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа таких существительных, как, например: *нум* 'небо', *ям* 'море', *лаер* 'солнце'²⁶.

Обращает на себя внимание то, что во всех перечисленных языках притяжательные суффиксы могут приобретать указательное значение в том же семантическом кругу существительных, который в тунгусо-маньчжурских языках связан с возможностью выражения косвенной принадлежности: существительные, обозначающие явления природы (дождь, роса и т. п.), названия небесных светил (солнце, луна, звезды и т. п.), географические названия (море, лес, река и т. п.), различные промежутки времени (день, ночь, час, месяц, год, время, зима и т. п.)²⁷. Это свидетельствует о том, что во многих языках (вспомним еще языки Северного Кавказа, Меланезии, Северной Америки, Центральной Африки) так же, как в тунгусо-маньчжурских, произошло грамматическое разграничение существительных на два класса: а) класс, связанный с противопоставлением прямой и косвенной принадлежности, и б) класс, не связанный с таким противопоставлением, индифферентный к нему. Однако использование та-

²³ В. И. Лыткин. Коми-зырянский язык. «Языки народов СССР», т. III. М., «Наука», 1966, стр. 286.

²⁴ В. И. Лыткин. Коми-пермяцкий язык. «Языки народов СССР», т. III. М., «Наука», 1966, стр. 304.

²⁵ Н. М. Терещенко. Венецкий язык. «Языки народов СССР», т. III. М., «Наука», 1966, стр. 282.

²⁶ Там же.

²⁷ А. Н. Феокистов. Указ. соч., стр. 126—129; В. И. Лыткин. Коми-зырянский язык, стр. 286; Н. М. Терещенко. Указ. соч., стр. 382.

кой дифференциации существительных далеко не идентичное.

Если в тунгусо-маньчжурских, адыгейском, меланезийских и индейских языках на этой базе выросла грамматически выраженная оппозиция прямой и косвенной принадлежности, а в тунгусо-маньчжурских языках возникла, кроме того, возможность использования ее для указательной выделительности, то в языках финно-угро-самодийских на той же лексико-семантической базе появились приемы использования в указательно-выделительной функции тех грамматических средств, которые специально приурочены к выражению нерасчлененной в этих языках категории принадлежности. Словом, во всех перечисленных языках мы обнаруживаем некую общую основу выражения принадлежности, сходные пути ее развития, но далеко не одинаковые способы грамматического использования и формального выражения.

I. Грамматическое значение принадлежности в большинстве тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийском, эвенском, негидальском, нанайском, ульчском, орокском, ороцском, удэгейском) находит свое выражение в двучленной притяжательной конструкции, первым членом которой обычно обозначается субъект обладания и им могут быть:

- а) имена существительные;
- б) личные местоимения в нанайском, удэгейском, ороцском, в восточных говорах эвенкийского языка;
- в) притяжательные местоимения в эвенкийском литературном языке;
- г) склоняемые основы личных местоимений в ульчском и эвенском языках;
- д) личные местоимения или их склоняемые основы в негидальском и орокском языках;
- е) указательные местоимения (выступающие в функции личных местоимений 3-го лица обоих чисел) удэгейского, ороцкого и нанайского языков;
- ж) возвратно-притяжательные местоимения.

Вторым членом притяжательной конструкции обозначается объект обладания, выраженный, как правило, существительным, оформленным притяжательными суффиксами — личными или возвратными. Притяжательные суффиксы выражают прямую (неотчуждаемую, органическую) принадлежность, под которой понимаются такие отношения между предметами, когда один предмет непосредственно принадлежит другому или составляет его неотъемлемую часть.

Другой вид принадлежности, косвенный (отчуждаемый, неорганический, относительный), предполагает такие отношения между предметами, когда один предмет принадлежит другому, но является органической частью

третьего предмета. Этот вид принадлежности выражается в тунгусо-маньчжурских языках посредством суффикса косвенной принадлежности, который оформляет существительное, обозначающее предмет обладания.

II. В зависимости от употребления суффикса косвенной принадлежности с различными семантическими группами существительных последние могут быть разделены на три больших класса.

Первый класс включает существительные, которые с суффиксом косвенной принадлежности обычно не употребляются. Сюда входят семантические группы существительных, обозначающие:

- а) отношения родства;
- б) пространственные отношения;
- в) предметы личного обихода, орудия труда, одежду, обувь, оружие, средства передвижения, домашнюю утварь;
- г) жилища, вспомогательные постройки и т. п.;
- д) предметы, являющиеся органической, неотъемлемой частью какого-либо другого предмета;
- е) отвлеченные понятия.

Во второй класс входят существительные, обозначающие предметы, принадлежность которых субъекту обладания может носить как косвенный (отчуждаемый, условный, относительный, неорганический) характер, так и прямой (неотчуждаемый, органический). В первом случае существительные, обозначающие предмет обладания, оформляются суффиксом косвенной принадлежности, во втором — этот формант не употребляется. В этот класс слов могут быть объединены семантические группы существительных, обозначающие:

- а) различные органы или части организма;
- б) предметы, относящиеся к категории лица;
- в) растения или их составные части;
- г) диких животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся;
- д) географические названия;
- е) различные вещества;
- ж) некоторые продукты питания;
- з) различные промежутки времени;
- и) некоторые явления природы;
- к) небесные светила.

В третий класс входят слова, способные принимать косвенно-притяжательное оформление, но не употребляющие

ся в прямом притяжательном оформлении. В этот класс можно объединить слова, представленные:

- а) собственными именами;
- б) окказионально-субстантивированными прилагательными при их анафорическом употреблении;
- в) окказионально-субстантивированными числительными;
- г) окказионально-субстантивированными указательными местоимениями и некоторыми другими разрядами местоимений;
- д) окказионально-субстантивированными причастиями;
- е) окказионально-субстантивированными междометиями.

В некоторых словах суффикс косвенной принадлежности утратил свое значение и выделяется только посредством сравнительно-этимологического анализа.

Форма косвенной принадлежности может использоваться для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он ранее упоминался соответствующим лицом или был предметом его мысли.

III. Категория косвенной принадлежности выражается специальным суффиксом, который в соответствующих тунгусо-маньчжурских языках имеет форму *-и (и)*, *-иго/-игу*, *-ио/-иу*.

Суффикс косвенной принадлежности некоторых тунгусо-маньчжурских языков может оказывать ассимилятивное влияние на согласные как предшествующих, так и последующих слогов.

Несмотря на разнообразие вариантов суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках, это генетически один и тот же суффикс.

IV. Суффикс косвенной принадлежности относится к числу морфем смешанного формообразования, передающих независимые грамматические значения.

В составе слова суффикс косвенной принадлежности следует после суффиксов основообразования.

Предшествуют суффиксу косвенной принадлежности морфемы деривативного формообразования.

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, окажется еще один суффикс смешанного формообразования, то последний может предшествовать ему, но может следовать и после него.

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, имеются какие-либо словоизменитель-

ные суффиксы релятивного формообразования, то последние во всех тунгусо-маньчжурских языках всегда следуют после суффикса косвенной принадлежности.

V. Суффикс косвенной принадлежности употребляется вне системы притяжания при сочетании:

а) с показателем формы обладания (положительной или отрицательной);

б) с формой совместности (в нанайском, ульчском, орокском, орочком и удэгейском языках).

VI. Можно предположить, что основой для образования форм косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках послужила древняя форма личного местоимения 3-го лица ед. числа *in, оформленная суффиксом принадлежности -*ki∞-gi.

Противопоставление двух видов принадлежности характерно не только для тунгусо-маньчжурских языков, оно установлено и в ряде других языков (адыгейский, меланезийские, североамериканские, индейские языки).

Становление грамматической категории, аналогичной категории косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков, можно отметить в некоторых группах финно-угорских и самодийских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы автора, записанные в 1968 г., от удэгейцев с. Гвасюги на р. Хор; от орочей Уськи Орочской, Хабаровского края и от эвенков и ороков п. Вал Ногликского района Сахалинской области.
2. Материалы В. А. Аврорина, собранные им во время научных командировок в районы расселения нанай и ульчей.
3. Материалы, сообщенные кандидатом филологических наук Н. Б. Киле.
4. Материалы, сообщенные кандидатом филологических наук С. Н. Оненко.
5. А. С. Пушкин. Станция ичэдимдини. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1937.
6. Л. Н. Толстой. Кавказанкасал пленникачи. На нанайский язык перевели В. Актанка и С. Оненко. Л., 1937.
7. Л. Успенский. Дюэр дэгдэн. Хайгуй северный полюсала дэгдэури бичин. На нанайский язык перевела Г. Хайтаннина. Л., 1939.
8. Г. Байдуков. Полюсава хуэлими Америкачи. На нанайский язык перевели К. Гейкер и А. Путинцева. Л., 1939.
9. В. М. Сдобников. Хони нулутэ нантавави нуури тэлэури. На нанайский язык перевел Г. Киле. Л., 1940.
10. Э. Распэ. Мюнгхаузен эрдэчихэмби гисурэйни. На нанайский язык перевел А. Самар. Л., 1940.
11. Л. Бочин. Пионерсалба гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевел Г. Киле. Л., 1940.
12. Д. Смирнов. Советская Союз, капитализм странасални. На нанайский язык перевели К. Гейкер, М. Каплан. Л., 1940.
13. Ленин, Сталин художественной литературеду. На нанайский язык перевели С. Оненко, А. Самар, Е. Хайтаннин. Л., 1940.
14. М. Горький. Бимбэши, дэббомбани нурухэн даггёа. Я. Торганни нурухэни. На нанайский язык перевели Г. Киле, М. Торганни, М. Максимов, Е. Хайтаннин. Л., 1940.
15. И. Д. Папанин. Полюсаду. На нанайский язык перевели К. Гейкер, Г. Киле и М. Максимов. Л., 1940.
16. И. Всеволожский. Надан кадаракэ буденновецсал. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1941.
17. А. Самар. Нанай дярини. Л., 1946.
18. С. Маршак. Дёан дюэр биан. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.
19. Л. Толстой. «Азбукадиади» дянаохан гисурэнсэл. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.
20. В. Катаев. Полк никтэви. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.
21. Д. П. Мамин-Сибиряк. Гисурэнсэл. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.

22. *Нанай нимгансалли.* Записки и обработка М. А. Каплан. М.— Л., 1950.
23. *Л. Савельев.* Зимнийвэ аман дьапохан. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. М.— Л., 1950.
24. *А. Гайдар.* «Р. В. С.». На нанайский язык перевел В. Бельды. М.— Л., 1951.
25. *К. Д. Ушинский.* Гисурэнсэл, нимгансал. На нанайский язык перевел В. Бельды. М.— Л., 1951.
26. *Т. Семушкин.* Талекоди, Нёани хаха Лилитэнгудизни. На нанайский язык перевел М. Тумали. М.— Л., 1951.
27. *Д. Н. Мамин-Сибиряк.* Алёнушка нимгансалли. На нанайский язык перевел В. С. Заксор. М.— Л., 1952.
28. *Г. Скребицкий.* Усэлтэсэлбэ, бэюнсэлбэ гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевела З. М. Бельды. М.— Л., 1952.
29. *Б. Житков.* Ми хайва иохэмби. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. М.— Л., 1953.
30. *А. И. Ульянова.* Ильич нучидун бичини, школаду бичини айнганисал. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. М.— Л., 1953.
31. *В. Лебедев.* Мичуримбэ гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевел В. Ч. Бельды. М.— Л., 1953.
32. *А. Иванов.* Нёнгиан хүрэнсэлду. На нанайский язык перевел В. Ч. Бельды. Л., 1954.
33. *В. Бианки.* Гисурэнсэл, нимгансал. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1954.
34. *Л. Космодемьянская.* Зоя. На нанайский язык перевела З. М. Бельды. Л., 1954.
35. *А. Пассар.* Ахондо Мангбонкан. Стихэсэл. Л., 1958.
36. *А. Копонов.* Ленимбэ гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1959.
37. *Г. Ходжер.* Кыско девэнсэлви даламдичи. Хабаровское книжное издательство, 1960.
38. *Н. Н. Поппе.* Материалы для исследования тунгусского языка Наречие баргузинских тунгусов. Изд-во АН СССР, 1927.
39. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сб. составлен Г. М. Василевич. Л., 1936.
40. *Ленин.* Сталин художественнаиду литератураду. На эвенкийский язык перевели Н. Алексеев, В. Аршинов, Н. Монахов, И. Мукта, П. Салаткин и др. Л., 1939.
41. *Г. М. Василевич.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. М.— Л., 1940.
42. *А. Салаткин.* Гегдалукуя, улгэрикэн. Л., 1940.
43. *А. Салаткина-Вакувагир.* Ингтылгучан. Л., 1947.
44. *Г. М. Василевич.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.
45. *А. С. Пушкин.* Нимганкан тэгэмэрдули Салтандули. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. Л., 1948.
46. *В. Катаев.* Полк хутэн. На эвенкийский язык перевел М. С. Савин. Л., 1949.
47. *А. Копонов.* Чапаев дярин улгурил. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. М.— Л., 1951.
48. *Ю. Герман.* Держинскийдули улгурил. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. М.— Л., 1951.
49. *В. Бианки.* Улгурил, нимганкарда. На эвенкийский язык перевел С. Н. Комбагир. М.— Л., 1953.
50. *В. Губарев.* Павлик Морозов. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. М.— Л., 1953.
51. *А. Иванов.* Чутумалду урэлду. На эвенкийский язык перевел С. Н. Комбагир. М.— Л., 1953.
52. *А. И. Ульянова.* Ильич кунгакан бингэсинни, алагувдигасинни айнганили. На эвенкийский язык перевел С. Н. Комбагир. М.— Л., 1953.
53. *Л. Космодемьянская.* Зоя. На эвенкийский язык перевела Е. М. Ялогир. Л., 1954.
54. *И. Погов.* Витя Малеев школаду, додуви да. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. Л., 1954.
55. *В. Лебедев.* Мичуриндули улгурил. На эвенкийский язык перевели Г. Аршинов и Н. Павлова. Л., 1955.
56. Аги хоктордули, Эвэдэл поэтыл стхилтми. Л., 1957.
57. *А. Копонов.* Ленидули улгурил. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. Л., 1959.
58. *Е. П. Лебедева.* К характеристике северного наречия эвенкийского языка (по материалам говоров Б. Порога и Агаты). «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», кафедра языков народов Крайнего Севера, т. 167, 1960.
59. *М. Г. Воскобойников.* Эвенкийский фольклор. Л., 1960.
60. *З. И. Ковалева, Е. М. Ялогир.* Таңи дярин кинга. Л., 1961.
61. *А. В. Романова, А. П. Мырсева.* Очерки токинского и томтоского диалектов (Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР). М.— Л., «Наука», 1962.
62. *А. В. Романова, А. П. Мырсева.* Очерки учурского, майского и тоттинского говоров (Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР). М.— Л., «Наука», 1964.
63. Исторический фольклор эвенков (сказания и предания). Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.— Л., «Наука», 1966.
64. *В. Д. Колесникова.* Синтаксис эвенкийского языка. М.— Л., «Наука», 1966.
65. *Л. М. Бродская.* Синтаксическое употребление эвенкийских причастий на -ри. «Вопросы языка и литературы», вып. 1. ч. II. Новосибирск, 1966.
66. *В. Г. Богораз.* Материалы по замутскому языку. «Тунгусский сборник», 1. Л., 1931.
67. *А. С. Пушкин.* Олрамачымва, олракан-да немган. Л., 1938.
68. *В. И. Ципиус.* Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947.
69. *К. А. Павликова.* Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. ч. I. М.— Л., 1960.
70. Орочские мифы и сказки. Составители: В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева. Новосибирск, «Наука», 1966.
71. *Т. И. Петрова.* Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967.
72. *К. М. Мыльникова, В. П. Ципиус.* Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник», 1. Л., 1931.
73. *Т. И. Петрова.* Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936.
74. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазнатские языки. Л., «Наука», 1968.
75. *О. А. Константинова.* Эвенкийский язык. М.— Л., «Наука», 1964.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

эвенк. — эвенкийский
эвен. — эвенский
нег. — негидальский
нан. — нанайский
ороч. — ороцкий
орок. — орокский
ульч. — ульчский
удэг. — удэгейский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Структура притяжательной конструкции	11
Глава II. Семантические основы противопоставления прямой и косвенной принадлежности	26
Глава III. Фонетические особенности суффикса косвенной принадлежности	65
Глава IV. Морфологические особенности суффикса косвенной принадлежности	77
Глава V. Форма косвенной принадлежности вне системы притяжания	108
Глава VI. К вопросу о происхождении суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках	130
Заключение	143
Литература	147
Принятые сокращения	150

Борис Васильевич Болдырев

**КАТЕГОРИЯ КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ**

Утверждено к печати

*Институтом истории, филологии и философии
Сибирского отделения АН СССР*

Редактор издательства *Е. В. Фурманова*
Художественный редактор *Т. И. Поленова*
Художник *Л. А. Грибов*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*

Сдано в набор 12/III 1976 г.

Подписано к печати 28/II 1976 г.

Формат 84×108^{1/2}. Бумага № 2.

Усл. печ. л. 7,98. Уч.- изд. л. 8,1

Тираж 900 Тин. зак. 452

Цена 49 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99,

Шубинский пер., 10